

327.2
К 67

94

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Юрий КОРНИЛОВ
Борис ЧЕХОНИН

ГУВЕРНАНТКА ИЗ ЦРУ

· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Юрий КОРНИЛОВ

Борис ЧЕХОНИН

ГУВЕРНАНТКА ИЗ ЦРУ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1984

В книге документальных очерков рассказывается о сложной работе советских чекистов по пресечению подрывной деятельности ЦРУ, других западных спецслужб и их агентуры в СССР. Авторы разоблачают преступные акции иностранных шпионов и диверсантов, вступающих в нашей стране под различными масками, раскрывают провокации в отношении советских людей, находящихся за рубежом.

Книга построена на новых, малоизвестных широкому читателю конкретных фактах и материалах.

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я Р Е Д К О Л Л Е Г И Я :

БОНДАРЕВ Ю. В., БЕНЕНСОН А. Н., БЛИНОВ А. Д.,
ВИКУЛОВ С. В., ИВАНОВ А. С., КРАМИНОВ Д. Ф.,
ЛОПАТИНА Е. К., МЕДНИКОВ А. М., ПОВОЛЯЕВ В. Д.,
РОСЛЯКОВ В. П., СЕРГОВАНЦЕВ Н. М.,
ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д.,
ШУРТАКОВ С. И.

К 4702010200—091 КБ—3—30—1984
М-105(03)84

ПРЕДИСЛОВИЕ

«И вечный бой! Покой нам только снится...» — как актуально звучат эти крылатые блоковские строки сегодня, в период, когда на международной арене, не утихая ни на день, ни на час, кипит острая, все более напряженная борьба между силами мира и прогресса и силами реакции и войны. Ход международных событий в наше время определяется, если выделить главное, противоборством двух линий: одной — на сохранение и укрепление мира, другой — противоположной — на подрыв его устоев. Курс империалистических кругов США и НАТО на то, чтобы максимально обострить международную напряженность, во что бы то ни стало «потеснить социализм», сопровождается резкой активизацией всех форм подрывной деятельности против нашей страны, социалистического содружества в целом. В качестве одной из основных ударных сил агрессивных империалистических кругов выступают при этом ЦРУ, другие западные спецслужбы, созданная на Западе гигантская машина пропаганды, главная цель которой — клеветать на СССР, пытаться любой ценой дискредитировать социализм, его великие идеи, его реальные достижения, вызывающие восхищение миллионов людей в разных уголках земли. Диверсии и провокации западных спецслужб против СССР, социализма — неотъемлемая составная часть объявленного Вашингтоном глобального «крестового похода» против социализма, всех сил мира и прогресса.

«Империалистическая реакция, прежде всего правящая верхушка США, вынашивая бредовые планы — мирового господства, своей агрессивной политикой подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы, — подчеркивается в

постановлении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.— Против Советского Союза, стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам и оголтелости психологическая война. Не гнушаясь ложью и клеветой, буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии».

Подрывная диверсионная деятельность, как и психологическая война, давно используются реакционными силами империализма для достижения своекорыстных политических целей. Но, пожалуй, никогда еще в механизме США спецслужбам, ЦРУ не отводилось столь важной роли, как ныне, в период, когда у руля американского государственного корабля находится администрация Р. Рейгана. Еще в ходе предвыборной кампании нынешний хозяин Белого дома неоднократно заявлял, что в случае его избрания он примет самые действенные меры по укреплению «американского разведывательного сообщества». И это предвыборное обещание президента, в отличие от многих других его обещаний, прежде всего в социальной области,— выполнено, причем выполнено с лихвой!

Не составляет секрета, какая исключительно важная роль отводится Вашингтоном этому «разведывательному сообществу», и прежде всего ЦРУ, в том антикоммунистическом «крестовом походе», к которому призвал Р. Рейган, выступая в июне 1982 года в Лондоне. Можно с полным основанием говорить, что если это «разведывательное сообщество» и раньше являлось одним из главных организаторов и вдохновителей ожесточенной психологической войны, развязанной против социализма империалистическими кругами США и НАТО, то с удесятеренным усердием оно выступает в данном качестве сегодня, когда, по свидетельству «Нью-

Йорк таймс», «ЦРУ и другие американские разведцентры переживают период бума и когда даже вооруженные силы США, пожинающие плоды значительного увеличения бюджета Пентагона, далеко отстают от них в темпах роста». Напомним в этой связи, что, хотя бюджет ЦРУ держится в тайне, этот бюджет, по некоторым оценкам, только в 1983 финансовом году возрос на 25 процентов и превышает 1,5 миллиарда долларов. Число сотрудников ЦРУ достигает 16 тысяч человек.

Именно ЦРУ — наряду с Белым домом и госдепартаментом — разрабатывает и определяет основные направления деятельности ЮСИА, главного рупора внешнеполитической пропаганды США. Именно ЦРУ — опять-таки совместно с Белым домом и госдепартаментом — регулярно организует в Вашингтоне шумные международные сборища, единственная цель которых — нагнетание иступленного антикоммунизма, выработка мер по координации провокационных и диверсионных акций, направленных против социализма, всех сил мира и прогресса.

«У прессы и ЦРУ есть много общего, — говорил в свое время бывший директор ЦРУ У. Колби, обращаясь к участникам ежегодного съезда американской ассоциации газетных издателей. — Мы с вами заняты информационным бизнесом, не так ли? Так давайте же сотрудничать!» О том, какое содержание вкладывают в понятие «сотрудничества» господа из Лэнгли, свидетельствует такой, например, факт: по данным печати США, ЦРУ держит «в сфере своего влияния» более 800 газет и других периодических изданий, пресс-служб, информационных агентств, и эта цифра из года в год продолжает возрастать, ибо мастера идеологических провокаций и диверсий активно вторгаются в сферу пропаганды, стремясь прибирать к рукам все новые как американские, так и особенно зарубежные буржуазные средства массовой информации. Только за период с 1961 года аме-

риканская разведка оплатила выпуск более тысячи названий книг, подавляющая часть которых носит открыто антисоветский, антисоциалистический характер.

Мы уж не говорим о таких широко известных фактах, когда налицо не просто взаимодействие, но и прямое организационное слияние разведки и пропаганды, в результате чего органы пропаганды, продолжая для маскировки именовать таковыми, на деле выступают как своего рода пропагандистские придатки спецслужб, целиком им подчиненные и полностью ориентированные на идеологические диверсии, провокации и шпионаж. Наиболее известный пример — в полном смысле слова разбойничья деятельность окопавшихся в Мюнхене (ФРГ) подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» (штат — 1600 человек, бюджет — более 110 миллионов долларов в год), задача которых — с помощью самой оголтелой лжи и клеветы «непосредственно воздействовать» на население социалистических стран с тем, чтобы попытаться подорвать у него уверенность в правоте идей и дела коммунизма и даже, если удастся, создать в какой-то форме «антисоциалистическую оппозицию».

Какого же сорта сотрудников буржуазной прессы господства из Лэнгли (и штаб-квартир других американских спецслужб) рекрутируют в разряд «особо доверенных лиц», для кого проводят они закрытые инструктажи, кому поручают сочинение по заранее разработанным схемам антисоветских наветов и муссирование заведомо лживых «секретных данных»? В числе таковых — сотрудник журнала «Ньюсуик» Нагорский, о котором идет речь в данной книге, обозреватели Р. Эванс и Р. Новак — этот «дуэт клеветников», подвизающихся в «Вашингтон пост» и известных в журналистских кругах Вашингтона, в частности тем, что они накопили «наиболее обширную картотеку антисоветских терминов и стереотипов». Мастер скандальных «сенсаций» Дж. Андер-

сон, специализирующийся на дезинформации о советской внешней политике и время от времени привлекающий к себе внимание бредовыми утверждениями и пророчествами то о «предстоящем советском вторжении в Иран», то о «намерении Москвы удушить Запад с помощью нефтяного лассо», а то и о «планах русской оккупации Антарктиды». Автор провокационной клеветнической книжонки «Сеть террора» К. Стерлинг, в свое время завербованная в Риме бывшим начальником отдела контрразведки ЦРУ Дж. Энглтоном и в 50-х годах работавшая в контролируемом американскими спецслужбами журнале «Рипортер». Публика, как видим, достаточно пестрая, но при всем том имеющая и некие четко выраженные общие черты: патологическую ненависть к коммунизму, готовность на все, чтобы потрафить хозяевам...

А вот еще одна грань того «сотрудничества» между ЦРУ и буржуазной прессой, которое в свое время столь усердно рекламировал У. Колби: как отмечал еще в 1977 году американский журнал «Роллинг стоун», на протяжении последних 25 лет тайные задания ЦРУ выполняли более 400 американских журналистов, представляющих такие ведущие органы массовой информации США, как информационные агентства АП, ЮПИ, радиотелевизионные компании Эй-би-си и Эн-би-си, газеты «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», еженедельники «Тайм», «Ньюсуик» и т. д.; по свидетельству журнала, эти господа «выполняют весь набор секретных заданий — от сбора информации до осуществления роли связных со шпионами в коммунистических странах». «ЦРУ широко использует журналистские круги в целях прикрытия своих агентов», — пишет известный аргентинский публицист Г. Мардонес, отмечая, что в штатах крупных информационных агентств Латинской Америки «наряду с американскими агентами состоит и немало местных агентов — около 66 процентов всей агентуры, завербованной ЦРУ в латиноамериканских странах». Вашингтон не раз предпринимал и про-

должает предпринимать попытки под видом журналистов забросить эмиссаров ЦРУ и в СССР; именно спецслужбы США являлись подлинными хозяевами таких, например, аккредитованных в свое время в Москве американских корреспондентов, как Кримски (агентство Ассошиэйтед Пресс), Рен («Нью-Йорк таймс») и другие.

В материалах, собранных в этой книжке, на конкретных примерах и фактах показаны различные методы подрывной деятельности ЦРУ и других западных спецслужб, их агентуры и пособников. Заброска в СССР идеологических диверсантов под видом «журналистов», «туристов». Попытка, прикрываясь «религиозными мотивами», создать в нашей стране нелегальный филиал некоей ультрареакционной, махрово-антикоммунистической «религиозной секты». Провокации и шпионаж в отношении советских людей, находящихся за рубежом. Методы разные, а цель одна — усиление «тайной войны» против социалистического строя, попытки оклеветать, очернить СССР, его внешнюю и внутреннюю политику, расшатать нерушимое единство советских народов, поколебать монолитную сплоченность советских людей вокруг Коммунистической партии.

Основной преградой на пути осуществления подрывных планов и акций империалистических спецслужб является высокая политическая бдительность советских людей. Факты, сам ход событий вновь и вновь подтверждают: мы живем в такое время, когда никто не в состоянии принизить величие свершений Страны Советов, извратить подлинный смысл наших дел и завоеваний социализма. Усилия наших недругов, их клевета и ложь обращаются против них самих. А Родина Октября, страна победившего социализма, была, есть и будет оплотом мира, опорой всех, кто борется за мир, свободу и счастье народов!

В. Дубинин

«ИХ ЛЮДИ» В МОСКВЕ

Помните известную крыловскую басню о Хавронье, которая затесалась на барский двор? Хотя очутилась она в зажиточном и красивом месте, ни дом, ни его обитатели ее ничуть не интересовали: верная своим привычкам, Хавронья сразу же отправилась на задворки и ну валяться в сору да купаться в помоях! Когда же ее спросили, верно ли, что дом, в котором она побывала, славится своими богатствами, она захрюкала в ответ:

«Ну, право, порют вздор,
Я не заметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Эта история невольно приходит на ум, когда перелистываешь издающийся трехмиллионным тиражом в Нью-Йорке американский еженедельник «Ньюсуик», в котором длительное время публикует свои впечатления об СССР Э. Нагорский. Этот господин приехал в Москву несколько лет назад — и какие, казалось бы, интересные перспективы, какие богатые творческие возможности открывались перед ним! Нет нужды говорить, что работа в СССР — прямо-таки клад для любого серьезного зарубежного журналиста: ведь он призван рассказывать читателям о великой стране, чей авторитет на международной арене необычайно высок, чья внутренняя и внешняя политика привлекают внимание миллионов людей. Но Нагорского реальная жизнь СССР интересовала мало. Более того: когда читаешь иные его сочинения, невольно создается впечатление, что в Советском

Союзе он даже и не бывал — настолько в этих сочинениях реальная советская действительность извращена, перекошена, вывернута наизнанку. Одно из этих сочинений ясно: будучи в СССР, представитель «Ньюсуик» не только ухитрился «не заметить» буквально ничего положительного, приметного ни в жизни наших многомиллионных городов, ни в грандиозной работе по освоению сибирских пространств, ни бесспорных достижений советского народа, скажем, в науке, культуре, спорте, но даже и не пытался всерьез осмыслить то, что его окружало, а работал в заранее заданном ему ключе, по вполне определенной схеме: мазать густо черной краской все, на что ни упадет взгляд. И во всем выискивать либо «провалы» социалистической политики, либо «коварные происки и пропаганду»...

Факты? Пожалуйста.

Совершает Нагорский вояж в город Вологду. Вологда, конечно, город не столь уж большой, события мирового значения и даже всесоюзного масштаба происходят здесь, прямо скажем, не каждый день, но и здесь люди трудятся, учатся, строят, любовно восстанавливают и охраняют памятники старины. Обо всем этом обстоятельно рассказали заокеанскому гостю председатель Вологодского горисполкома В. Парменов и редактор местной газеты А. Шорохов. Не умолчали они и о трудностях, о нерешенных проблемах. Снабдили гостя большим количеством фотоснимков, отражающих рост города за последние десятилетия. Посоветовали посмотреть новые жилые районы, которыми вологжане гордятся, побывать на селе. А на прощание Шорохов вручил представителю «Ньюсуик» свою визитную карточку:

— Пожалуйста, мои координаты, если понадобится, — звоните...

Разумеется, никто не требовал, да и не ждал от представителя американского журнала, чтобы он непременно включил в свои сочинения информацию, которую ему предо-

ставили. Каждый корреспондент вправе иметь свой угол зрения. Есть он и у Нагорского — но какой? «Официальная пропаганда» его не интересует, а «неофициальную», злопыхательскую, он, нисколько не считаясь ни с фактами, ни с элементарной журналистской этикой, организует сам. Какие там новостройки, микрорайоны, памятники старины! Вооружившись фотокамерой, Нагорский отправился на розыск предназначенных на снос ветхих домишек, затем запечатлел городскую свалку и, наконец, выискал самый неприглядный, заваленный мусором угол на местном рынке. Когда один из прохожих полюбопытствовал, чем привлекают незнакомца всякого рода грязные закоулки и для какой цели он их фотографирует, Нагорский без тени смущения предъявил... визитную карточку Шорохова: дескать, я — представитель советской печати, не мешайте работать!

И «работал» дальше.

Перед нами — письмо учащегося Вологодского строительного техникума В. Зиганшина, который рассказывает о похождениях в Вологде Нагорского в компании с корреспондентом английской буржуазной газеты «Файнэншл таймс» Д. Саттером:

«27 октября, проходя по площади Свободы, я обратил внимание на двух молодых мужчин, беседовавших с женщинами пенсионного возраста. Поравнявшись с ними, я услышал, что говорят они с сильным акцентом. Я остановился около них, подумав, что, возможно, они не знают, как пройти в нужное место, и решил им помочь. Однако, как я понял, иностранцы представились женщинам как американские журналисты и интересовались у них, как они относятся к политике Советского государства. В их вопросах содержался открытый провокационный подтекст.

Тогда я вмешался в разговор и попросил объяснить, кто они такие и почему задают подобные вопросы. Один из них в резкой и оскорбительной форме стал настаивать, чтобы

я ушел и не мешал их разговору, но подозрительные действия этих иностранцев заставили меня потребовать от них объяснения. Я заявил им, что, пользуясь нашим гостеприимством, они должны вести себя корректно и не допускать выпадов против нашей страны. Иностранцы были явно раздосадованы и, возмущаясь, ретировались. Если эти граждане действительно американские журналисты, то меня глубоко возмущает их недружественное, провокационное и бестактное поведение».

Это письмо, отражающее вполне понятное и законное возмущение советского гражданина,— далеко не единственный документ подобного рода. После вояжа Нагорского в Вологду местная газета «Красный Север» на основании целого ряда заявлений и писем горожан выступила со статьей, в которой поведение этого корреспондента квалифицируется как возмутительное и недостойное. А вот статья в другой газете — «Северный рабочий», издающейся в Ярославле. Оказывается, и здесь Нагорский занимался тем, что фотографировал свалки и заводил с горожанами беседы антисоветского характера. Но вологодские и ярославские похождения, как говорится, лишь цветочки. В Литве, например, Нагорский отрекомендовался гражданином одной из социалистических стран, который, дескать, «не мог получить» места в отеле и вынужден искать ночлега на частной квартире. А что сказать о его попытке выдать себя за «польского корреспондента» и под сурдинку затеять с советскими людьми разговоры, в которых сей самозванный «гражданин ПНР» чернил руководство Польши и «попутно» рекламировал действия экстремистов из псевдопрофсоюза «Солидарность»?..

Хавронья из басни Крылова закончила свои похождения так: «В сору, в навозе извалялась, в помоях по уши досыта накупалась. И из гостей пришла домой свинья свиньей». «Путешествие по свалкам», которое предпринял в СССР

Нагорский, абсолютно не желавший считаться с правилами поведения иностранных журналистов в СССР, завершилось для него иначе: после того как ему предложили перестать заниматься непотребными делами и он покинул СССР, в США его встретили чуть ли не овацией. А одна из крупнейших в США телекомпаний — Си-би-эс тут же предложила ему выступить по телевидению с «рассказом об СССР». Хорошо понимая, что такой шанс представляется не часто, и зная, чего от него ждут, Нагорский дал волю воображению и одновременно поведал, как ловко обводил вокруг пальца и «представителей советских властей», которые-де «неусыпно следили за его деятельностью», и мифических «тайных агентов», которые, мол, везде шли за ним по пятам. Поделился он с американскими телезрителями и своим «опытом» устройства в Москве «тайных встреч», переговоров из уличных телефонных будок с анонимными «клиентами» и другими трюками, выдержанными в стиле знаменитого на Западе Джеймса Бонда — «агента-007». Знакомишься с этими откровениями представителя «Ньюсуик», и невольно напрашивается вопрос: для чего человеку, коль скоро он действительно «осуществляет лишь журналистскую миссию», понадобились подобные трюки?..

Одновременно с Нагорским подвизался в Москве другой представитель «свободной западной прессы», некий Владимир Жеделягин, сотрудник московского бюро французского информационного агентства Франс Пресс. Чтобы получить представление об этом господине, перенесемся сначала в Париж, на улицу Бломе, где в четырехэтажном доме под номером 125-«бис» разместился так называемый «русский клуб» — штаб-квартира эмигрантов, перебежчиков, предателей Родины. Там, в этом клубе, висит на стене портрет некоего господина в траурной рамке. Это — Н. А. Маков, он же Туманов, бывший фашистский прихвостень, бежавший с отступавшими гитлеровцами из России на Запад, а после

разгрома «третьего рейха» завербованный ЦРУ. В 1953 году, после обучения в шпионско-диверсионной школе в Бад-Гамбурге (ФРГ), по заданию ЦРУ и антисоветской эмигрантской организации «Народно-трудовой союз» (НТС) он был выброшен на парашюте с американского шпионского самолета над территорией Винницкой области. Задание: обосноваться в Киеве или Одессе для проведения подрывной работы против СССР...

— Он был моим отчимом,— говорит, тыкая в портрет, Владимир Жеделягин.— Пал в борьбе с коммунизмом...

Там, в «русском клубе», Жеделягин не стесняется. Он в «своем кругу». В глазах постоянных посетителей «клуба» — профессиональных антисоветчиков, кормящихся щедротами западных спецслужб, родство со шпионом, пышно именуемым «идейным борцом против коммунизма» и приговоренным за совершенные им преступления к высшей мере наказания,— чуть ли не украшение биографии. А ведь когда в Москве представитель компетентных органов спросил Жеделягина, кого же он в конце концов представляет — французское информационное агентство Франс Пресс, чье удостоверение он носит в кармане, или НТС, Жеделягин, пряча тревожно бегающий взгляд, попытался изобразить полнейшее недоумение:

— НТС? А что это такое?

Эдакая, видите ли, неосведомленность! Ну, хорошо, свое родство с диверсантом Маковым, заброшенным в нашу страну западными спецслужбами, Жеделягин может, когда ему это выгодно, и не признавать. Но ведь и родной папаша этого господина, потомок белоэмигранта Жеделягин-старший (он же Шелестов) — фигура в кругах НТС небезызвестная. Родившийся в 1922 году в Югославии, он уже в 20-летнем возрасте был сотрудником германского торгового общества «Восток» в... оккупированном фашистами городе Вязьма Смоленской области. Здесь в его доме находилась

явочная квартира созданного гитлеровцами антисоветского центра, именуемого «НТСНП» («НТС нового поколения»). Такое доверие вполне понятно, ибо хозяин квартиры одновременно сам являлся сотрудником контрразведывательного органа СД. В этой роли он вел вербовочную работу в интересах оккупантов на временно захваченных ими территориях СССР. Обучение в фашистской разведшколе «Цепслин» в австрийском городе Маттигсфоген и активная деятельность в руководстве НТС — таковы дальнейшие этапы его карьеры. А поскольку, как гласит пословица, яблочко от яблони недалеко падает, неудивительно, что и Жеделягин-младший пошел по стопам папаша, публикуя злобные антисоветские пасквили на страницах издаваемого НТС эмигрантского журнальчика «Посев» (заметим, что там же, в НТС, подвизаются и два его брата). И вот вдруг оказывается, что Жеделягин знать не знает ни биографии собственного отца, ни занятий собственных братьев, ни подрывной антисоветской организации, именующей себя «Народно-трудовой союз»!

— Документально установлено, что, находясь в СССР, вы пытались распространять издания «Посева», содержащие призывы к свержению Советской власти, — сказали ему.

— «Посев»? — месье Жеделягину явно все труднее разыгрывать этукую святую наивность.

Есть у западных идеологических (да, впрочем, и не только идеологических) диверсантов, забрасываемых в нашу страну, такой термин — «крыша». Вопрос «под чьей крышей» означает — вывеску какой фирмы используют для прикрытия, направляясь в СССР? Месье Жеделягин, как уже говорилось, числился сотрудником московского бюро Франс Пресс. Разумеется, работой на бюро он себя не обременял: несколько заметок в неделю составляло всю его продукцию. Заметок, состряпанных по принципу — чем чернее, тем лучше, и не претендующих ни на что иное, кроме

как на перепев тех избитых клеветнических домыслов об СССР, которые уже долгие годы кочуют на Западе со страниц одного реакционного издания в другое. Изобретать что-либо оригинальное месье Жеделягину было не под силу, да и некогда: в свободное время он выискивал клиентов, которых удалось бы заинтересовать пасквилями, нелегально поставляемыми корреспонденту Франс Пресс с Запада, из штаб-квартиры НТС во Франкфурте-на-Майне. Разумеется, господа типа Жеделягина и сами, как правило, понимают, что в условиях морально-политического единства советского общества нет социальной базы для деятельности не только спецслужб, но и идеологических центров империализма. Но тем больше усилий прилагают они для поиска антисоветски настроенных отщепенцев и склонения их к антигосударственным акциям.

Таковых долго не находилось. Советские граждане, с которыми вступал в контакты месье Жеделягин, реагировали на его провокационные беседы и рекламируемые им столь же провокационные брошюры по-разному. Одни, уразумев, в чем дело, брезгливо отбрасывали энтээсовскую продукцию. Другие, не слишком сведущие в дипломатическом этикете, который, как считается, надлежит соблюдать при встречах с иностранцами, даже не дослушав Жеделягина, решительно и зачастую не в парламентских выражениях требовали больше к ним с подобными разговорами не приставать. Но Жеделягин не унимался. Он хорошо знал русскую поговорку насчет того, что, дескать, в семье не без урода, и надеялся, что рано или поздно таковой отыщется.

И урод нашелся. Некий В. В. Бурдюг, именовавший себя «историком», — озлобленный клеветник-пакостник, ненавидящий собственную страну и давно искавший возможности создать себе рекламу на Западе. С этой целью он начал под маркой «религиозных изданий» изготавливать и размножать антисоветского содержания материалы для переправ-

ки их на Запад за соответствующую мзду. Вот выдержка из протокола его допроса:

«Вопрос: Расскажите о встречах с французским корреспондентом по имени Владимир.

Ответ: Им является гражданин Франции Жеделягин Владимир... Всего в период с октября 1981 года по март 1982 года я встречался с Жеделягиным примерно 6—7 раз... Насколько я помню, начиная со второй нашей встречи, Жеделягин постоянно передавал мне небольшие свертки с литературой, опубликованной зарубежными издательствами типа «Посев»... В первых двух-трех свертках находились небольшие брошюры издательства «Посев», 3—4 брошюры различных авторов того же издательства. В одном из свертков, который Жеделягин передал мне также в вестибюле бассейна «Чайка», находились антисоветские журналы «Грани» за 1981 год, «Посев» за 1982 год, «Вече» за 1981 год, два номера журнала «Часовой» за 1981 и 1982 год.

Вопрос: В процессе обыска в вашей квартире изъят машинописный документ на 64 листа, озаглавленный «Реформы и реформаторы», находящийся в пластиковой папке, а также переплетенный в ледериновую обложку документ, озаглавленный «Новоселов. Письма к друзьям». Поясните, какое отношение к этим документам имеет Жеделягин?

Ответ: По одному экземпляру именно этих документов я передал Жеделягину при двух-трех наших последних встречах в вестибюле бассейна «Чайка» с тем условием, чтобы он ознакомился с ними сам, ознакомил каких-нибудь зарубежных издателей... В подготовленном мною материале «Реформы и реформаторы» допущены резкие высказывания в отношении коммунистической идеологии, и в случае его опубликования за рубежом он мог быть использован во враждебных Советскому государству целях...»

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев в открытом судебном заседании

— 17

дело Бурдюга, приговорила его к лишению свободы. А одновременно завершился и московский период деятельности малопочтенного, но предприимчивого месье, оперировавшего удостоверением Франс Пресс: его выдворили из СССР.

Для того чтобы поставить в этой истории все точки над «и», остается ответить лишь на один вопрос: как же заведомый провокатор и эмиссар НТС оказался на посту московского корреспондента такого солидного, казалось бы, информационного агентства, как Франс Пресс? Этот вопрос тем более закономерен, что многие крупные западные органы массовой информации, отнюдь не испытывающие симпатий к СССР, но пекущиеся о собственном реноме, давно уже отказались от каких бы то ни было форм «сотрудничества» с таким гнездом провокаторов-антисоветчиков, каким является НТС. Многие — но не все. Кто же поставляет иным буржуазным органам массовой информации шпионов и диверсантов, прикрывающихся удостоверениями журналистов? Жеделягин, например, был зачислен в агентство по рекомендации некоего Рутченко, проживающего в Париже «русского литератора». Впрочем, чтобы стало яснее, почему именно Рутченко выступил в роли протеже Жеделягина, следует подробнее рассказать и об этом господине...

Н. Н. Рутченко — 1916 года рождения, уроженец Кишинева, бывший студент Ленинградского университета, отчисленный за неуспеваемость. В начале войны призван в армию. Два месяца спустя сдался в плен фашистам. В конце 1941 года появился в лагере для советских военнопленных под Гатчиной. Его бывшие однополчане, входившие в штаб сопротивления, не знали, что рядом оказался подсадной осведомитель гестапо. Они готовили вооруженное восстание. Рутченко выдал всех. Вместе с эсэсовцами он расстреливал патриотов.

За «особые заслуги» предатель и убийца был зачислен в разведшколу 18-й германской армии «Зет-Норд».

В 1942 году со шпионским заданием забрасывался в тыл Красной Армии, а по возвращении, уже в роли матерого гестаповца, допрашивал и расстреливал советских военнопленных в Пушкине, Красном Селе, Павловске, а затем — на оккупированной Украине, в Кировограде, Днепропетровске, Харькове. Конец 1943-го застаёт Рутченко в Берлине, где в качестве инструктора абвера он готовит диверсионно-террористические группы для заброски их в советские республики Средней Азии. В 1950 году в Австрии Рутченко, в соответствии с «полномочиями руководящего функционера НТС», подписывает соглашение со спецслужбами США об организации самостоятельного отделения НТС в Вене. Затем Рутченко переводят в Париж, где он начинает карьеру «публициста», активно подвизаясь в парижском филиале радиостанции «Свобода», этой содержанки ЦРУ. Таков портрет господина, «продвинувшего» Жеделягина сначала в аппарат Франс Пресс, а затем и на пост корреспондента агентства в Москве. И хотя на Жеделягина были возложены в советской столице несколько иные функции, чем, скажем, на представителя «Ньюсуик» Нагорского, нетрудно увидеть, что конечные цели их провокационной деятельности были одни и те же: идеологические диверсии. Удивляться, впрочем, не приходится — ведь и хозяин у них один...

Но продолжим знакомство с некоторыми из «их людей» в Москве. Перед нами — фотоснимок, сделанный в одном из отделений милиции Москвы. Субъект с бачками в потертых джинсах, понуро сидящий у стола, на котором разложены стопки американских долларов и западногерманских марок, — картина, достаточно хорошо знакомая не только по детективным повестям; но и из газетной уголовной хроники, повествующей о борьбе со спекулянтами-валютчиками. Кто же на сей раз нарушил закон — какой-нибудь жуликоватый любитель «сладкой жизни», не желающий честно трудиться и занятый в основном рысканием у отелей в надежде пожи-

виться у заезжего иностранца? Нет. Перед нами Франц Древер, сотрудник западногерманского информационного агентства ДПА, еще сравнительно недавно представлявший это агентство в Москве.

— Что заставило вас заняться спекуляцией валютой?

— Это вышло случайно, поверьте...

Случайно? Нет, конечно: все поведение Древера во время пребывания в СССР, весь стиль его «деятельности» вели его именно к такому финалу. Как и Нагорского и Жеделягина, советская действительность Древера интересовала мало. С самого начала он, даже не дав себе труда взглянуть в окружающее, принялся малевать политику и жизнь СССР сплошной черной краской. А поскольку подходящего «материала» не было, начал шнырять по закоулкам и подворотням в поисках всякого рода сомнительных лиц, у которых можно было бы пожить какой-нибудь гнилой антисоветской «сенсацией». Заводя более чем сомнительные связи, он очень скоро обнаружил следующее: хотя агентство ДПА и неплохо оплачивает его деятельность, он может сорвать куш и побольше, коль скоро совместно с одним из своих новых знакомых займется спекуляцией валютой...

Так произошло то, что если не неизбежно, то с большим процентом вероятности должно было произойти: охота за антисоветскими «сенсациями» сначала привела к контактам с отбросами общества, а потом переплелась с уголовщиной и завершилась противозаконной деятельностью. Древер при всей его оторванности от советской жизни некоторые специфические участки этой жизни, а именно те, о которых трактует Уголовный кодекс, судя по всему, знал неплохо и потому сильно переполошился, когда милиция, что называется, схватила его за руку при совершении очередной противозаконной валютной сделки. Когда же выяснилось, что власти, как говорится в таких случаях в официальных документах, решили проявить добрую волю и не привлекать

Древера к уголовной ответственности, сей господин в полной мере проявил то качество, которое должно быть органически присуще сотруднику информационного агентства: оперативность. Ему даже не успели официально объявить, что участие в валютных махинациях несовместимо со статусом иностранного корреспондента, аккредитованного в Москве, а он уже сломя голову неся в аэропорт Шереметьево с тем, чтобы первым самолетом вылететь в Бонн.

В настоящее время, насколько известно, Древер не без успеха подвизается в некоторых органах буржуазной западногерманской печати в качестве «эксперта по Советской России».

В заключение «портрет» еще одного находившегося в СССР представителя «свободной западной прессы», на сей раз — с японских островов. Такаюки Накадзава — московский корреспондент японского информационного агентства Дзидзи. В Москве проработал девять лет. Девять лет! За такой срок действительно можно стать «экспертом по России», вкладывая в это понятие (которое из-за специфического «усердия» самих же западных «советологов» ныне чаще всего звучит как расхожая характеристика охотников за антисоветскими «сенсациями») вполне серьезное содержание: «эксперт по России» — это человек, который хорошо знает Советский Союз, серьезно, вдумчиво и заинтересованно изучает и анализирует его внешнюю и внутреннюю политику, стремится дать объективную, опирающуюся на реальные факты оценку советского образа жизни.

Если собрать воедино все, что написал, будучи в Москве, Накадзава, получится, пожалуй, несколько томов. Но сколько ни перелистывай эти тома — объективного анализа советской политики, советской действительности в них не найдешь. Налицо пережевывание все тех же избитых антисоветского характера постулатов и концепций, на которых с небольшими вариациями специализируется уже не одно

поколение западных коллег Накадзавы: упорно не сбывающиеся пророчества о «провалах» и предстоящем «крахе» советской экономики, явно тенденциозный «анализ» состояния и перспектив советской внешней торговли, злонамеренные вымыслы о якобы имеющем место в стране «ущемлении прав человека». И тут же опубликованная в японском журнале «Сюкан гендай» (сентябрь 1982 г.) пространная статья об условиях труда иностранных корреспондентов в СССР. Статья, цель которой — показать руководству Дзидзи и влиятельным пайщикам агентства (а в их числе японские корреспонденты называют такие ведомства, как японское «исследовательское бюро», то бишь разведка, и ЦРУ США!), как нелегко живется в Москве ему, Накадзаве, как «притесняют» его и его коллег по перу официальные власти, как сложно ему развернуться, дабы полностью удовлетворить аппетиты и самого Дзидзи и особенно его опекунов, алчущих максимально больших доз как открытой, так и «неофициальной», «доверительной» информации об СССР! Правда, оговоримся, что под статьей Накадзава предпочел подписаться псевдонимом «Н». Но ведь имя автора читатели узнают не только по подписи. Они судят о нем, как говорится, по почерку, то есть по свойственным автору манере и стилю письма.

Хотя сочинение Накадзавы о «препятствиях» и «преградах», которые советские власти якобы неустанно и повседневно воздвигают тут и там, дабы максимально осложнить деятельность аккредитованных в Москве иностранных журналистов, от начала до конца основано на выдумках, инсинуациях, на умышленном передергивании и извращении фактов, в одном отношении это произведение отвечало истине: самому Накадзаве в СССР действительно приходилось нелегко. Но не потому, что кто-то пытался искусственно ограничить рамки его журналистской деятельности, отнюдь нет! Все дело в том, что сам Накадзава с некоторых пор ре-

шил совместить эту вполне легальную деятельность с другой, нелегальной, более того — противозаконной. Иными словами, он, как и Древер, пришел к выводу, что, хотя и не плохо платят ему в Дзидзи, ему, пожалуй, есть смысл прибавить к этим официальным доходам иные — неофициальные. И стал Накадзава жить двойной жизнью: ночью он — корреспондент, отстукивающий в своем бюро в многоэтажном доме на Садово-Самотечной улице в Москве, где обитают многие иностранные журналисты, очередной опус о «присках и коварстве Москвы», а днем и вечерами — спекулянт и валютчик, скрупулезно подсчитывающий поступающие доходы...

«Соратником» Накадзавы по темным делам стал некий В., житель Киева, приехавший по делам в Москву и познакомившийся с представителем Дзидзи в кафе московского отеля «Украина». «Зверь на ловца бежит», — гласит известная поговорка, точность которой в данном случае оправдалась полностью: так быстро Накадзава и его новый знакомый друг друга поняли, друг за друга ухватились. Только за период с 1979 по 1982 год В. скупил у Накадзавы (разумеется, до спекулятивной цене) ни много ни мало 2000 долларов и столько же чеков Внешпосылторга серии «Д». Когда следователь в присутствии двух представителей посольства Японии в Москве, зачитывая Накадзава показания В., огласил эти цифры, представитель Дзидзи попытался изобразить наигранное возмущение:

— Доллары и чеки я действительно В. продавал, но без всякой корысти. Из чисто гуманных соображений!

Разумеется, попытки Накадзавы изобразить самого себя таким меценатом тут же были с фактами в руках опровергнуты и следователем, и самим В., который, будучи пойманным на месте преступления, заботился только об одном — как, откровенно рассказав об всем, хоть частично смягчить свою вину... Накадзава приперт к стене, ему не остается ни-

чего иного, как, взяв чистый лист бумаги, собственноручно опровергать самого себя: «На допросе 25 марта 1983 года я заявил, что продавал иностранцу В. чеки серии «Д» и доллары США из расчета за один чек и один доллар — один рубль. Но эти показания не соответствуют действительности. Сейчас я вспомнил и даю относительно этого правдивые показания, а показания от 25 марта прошу считать ошибочными...» А следом берется еще один чистый лист бумаги и на нем излагается «Заявление в МИД СССР и прокуратуру СССР»: «Известие, что я нарушил советские законы, явилось для меня большой неожиданностью и вызывает мое самое глубокое сожаление... Прошу не привлекать меня к уголовной ответственности, а разрешить выезд в Японию».

Ах, Накадзава, Накадзава! Даже будучи до конца изобличенным в целой серии противозаконных сделок, он виляет, хитрит, продолжает выдумывать прямо-таки смехотворные предлоги для «оправдания» собственных действий. Для него, видите ли, факт нарушения на протяжении ряда лет советских законов — «неожиданность». Якшаяся с матерым спекулянтом В., он, видите ли, полагал, что занимается чуть ли не благотворительностью. Впрочем, он и сам видит, что вывернуться из создавшейся ситуации нелегко, более того — невозможно.

В своем заявлении в МИД СССР Такаюки Накадзава, в частности, написал: «После возвращения в Японию я, как и прежде, буду в качестве влиятельного журналиста заниматься вопросами, связанными с Советским Союзом и советско-японскими отношениями». Самонадеянное заявление, которое в свете приведенных выше фактов звучит по меньшей мере странно? Ничуть. Если за Нагорским, Жеделягиным и Древером и поныне в полной мере сохранен на Западе высокий ранг «специалистов по Советской России» (да притом не просто специалистов, а таких, которые сами в этой Советской России были, в самом ее сердце — в Москве

работали и даже пострадали в результате коварных интриг советских коммунистов!), то почему бы и впредь не подвизаться в рядах «влиятельных советологов» и Т. Накадзаве? Тем более что тома его антисоветских сочинений — перед глазами руководителей Дзидзи и их токийских и закордонных шефов. А том уголовного дела, свидетельствующий о его, мягко говоря, нечистоплотных похождениях и соучастии в преступных махинациях и сделках, лежит далеко от Токно, в архиве киевской прокуратуры...

...Итак, четыре «портрета» представителей западных средств массовой информации, кичащихся своей «свободой». Эти господа прибыли в Москву из разных стран — из США и Франции, ФРГ и Японии. Они подвизаются в различных информационных органах. Но при всем том у них явно просматривается и нечто общее — все они «специализируются» на оголтелом антисоветизме, кормятся им. Что это — совпадение?

В Москве, по данным на декабрь 1983 года, аккредитовано около 350 зарубежных журналистов более чем из 50 стран мира. Далеко не все они разделяют взгляды советских людей, далеко не со всем тем, что они пишут об СССР, его внешней и внутренней политике, можно согласиться. Но одно дело — различие во взглядах, в мировоззрении, и совсем другое — злонамеренная тенденциозность, стремление любыми способами очернить, охаять страну, в которой находишься. Одно дело — серьезный, добросовестный анализ (пусть и ошибочный) реальных фактов, и совсем другое — фабрикация заведомых фальшивок и изобретение всякого рода провокационных вымыслов и инсинуаций. «Государства — участники совещания, — говорится в политической Декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой в Праге в январе 1983 года, — считают принципиально важным последовательное соблюдение принципов и положений хельсинкского Заключительного акта, касаю-

щихся сотрудничества в области информации в интересах укрепления мира и взаимопонимания между народами... Они решительно осуждают использование такого мощного инструмента воздействия на сознание людей и формирование общественного мнения, каким являются печать, радио и телевидение для распространения тенденциозных и прямо клеветнических сообщений, в искаженном свете представляющих положение в тех или иных странах и их политику, сеющих отчужденность и вражду».

Моральный облик человека не может быть двойным, наподобие шпионского чемодана с двойным дном. Честный, серьезный, наконец, просто порядочный человек, каких бы мировоззренческих позиций он ни придерживался, не будет подрабатывать сочинением злобных и заведомо лживых пасквилей. И напротив, от лжеца и клеветника трудно ожидать чистоплотности. Одно неизбежно тянет за собой другое: тот, кто заранее продал свое перо, обязавшись обмакивать его лишь в черную краску, — тот пойдет и на иную дурно пахнущую сделку. И отнюдь не случайно на ролях тех, кто стряпает грязные наветы на Советскую страну и советских людей, так часто оказываются господа, уличаемые во всякого рода неблагоприятных, а то и противозаконных махинациях, вплоть до уголовщины. Грязные дела всегда делаются руками грязных людей!

...В 1953 году, когда ЦРУ и НТС забрасывали в СССР диверсанта Макова, его снабдили оружием и портативной рацией, дав задание «нанести удар» по Советской власти. Чем эта акция закончилась, мы уже говорили. Ныне диверсантов на Западе чаще всего, как видим, оснащают иначе: вместо стреляющего отравленными пулями бесшумного пистолета — энтээсовские антисоветские брошюрки, вместо рации — удостоверение буржуазного агентства, вместо шифра для шпионских донесений — современные средства связи. А результат? Все тот же: полное фиаско...

Утро 14 мая 1983 года выдалось жарким. «Наводя красоту» перед зеркалом в квартире на Ленинском проспекте в Москве, Памела Сю Карне мучительно решала извечно актуальный женский вопрос — что надеть в такую почти тропическую жару? Вопрос осложнялся тем, что сегодня надо было одеться не только легко и по моде, но и так, чтобы не бросаться в глаза. Памела знала: ей, как гражданке США, отправлявшейся в Калинин с «особым» заданием, ни к чему выделяться из общей массы пассажиров электрички.

— Так будет в самый раз, — решила она, извлекая из гардероба расшитую молдавскую кофточку и спортивные брюки.

Сидя в электричке, Памела убедилась, что «форму одежды» выбрала умело. Сказывались и здравый смысл, и «конспиративный» опыт работы в Советском Союзе. Ей не раз приходилось выезжать в Калинин, маскируясь то под любительницу лыжного спорта, то под москвичку — поклонницу русской природы. За окном проносились дачные домики, поселки, укутанные в белое покрывало садов. Но Памела этого не замечала. Ей было о чем подумать.

Кем она была там, в Соединенных Штатах, до приезда в Советский Союз? Похвастаться особенно нечем. И хотя на обычный, заменявший приветствие вопрос «как успехи?» Памела всякий раз, улыбаясь, отвечала: «Прекрасно!», она знала — с ее стороны это лишь попытка спасти реноме. В Мичигане, как и в прочих штатах Америки, не любят нытиков-неудачников. Кому приятны рассказы о чужих несчастьях, когда более чем достаточно своих?

...Прекрасно! Чего уж прекрасного, если жизнь складывалась трудно с самого детства? Нуждающаяся семья, отец алкоголик. Если и работал, то почти все пропивал. Однажды, сильно перебрав, сел за баранку их старенькой машины.

Результат оказался трагическим — столкновение на авто-
страде; смерть.

Пришлось Памеле срочно искать работу. Работала кем придется, пыталась учиться в университете. Но вскоре стало ясно: чтобы учиться дальше, надо бросить работу. А кто же будет платить за учебу? Брат, который устроился на работу в полицию? У него хватает своих забот. Тогда-то и пришла «спасительная» мысль — а не податься ли в Японию? Там, пожалуй, можно устроиться преподавательницей английского, а то и поступить на службу в филиал одной из американских фирм. А военные базы США? Уж, конечно, им требуется обслуживающий персонал. Если повезет, откроется перспектива выйти замуж, создать семью — в армии много холостых парней...

Но жизнь не спешила раздаривать улыбки. Не получалось с интересной работой, семьей. Быть может, именно это и толкнуло ее в другую, так называемую религиозную семью. Она помнит, как все это началось. Друзья-американцы совали какие-то буклеты и, заглядывая в глаза, просили: прочти! На следующий день встречали ее вопросом — ну как, одолела? Она бормотала разные отговорки: дескать, болела голова, неожиданно нагрянула приятельница. Потом предлоги были исчерпаны. Пришлось засесть за религиозные бестселлеры «Единой христианской организации» (ЕХО).

Здесь уместно, прервав на время рассказ о дальнейших событиях в жизни Памелы, и нам хотя бы вкратце познакомиться с так называемой ЕХО — какое же мировоззрение исповедует эта организация, какие религиозно-политические концепции и практические постулаты рекламируются и навязываются «новообращенным» в ее изданиях? Основателем и руководителем ЕХО является некий Мун Сон Мён. Этот предприимчивый «пророк», родившийся в 1920 году в Корее, еще в 16-летнем возрасте объявил окружающим, что,

дескать, не кто иной, как сам Иисус Христос явился однажды перед ним и лично попросил его взять на себя тяжкую ношу, связанную ни больше ни меньше как с... «преобразованием мира». Несмотря на столь высокое покровительство, Муну долго не везло, и первый этап его карьеры подобен графическому изображению температуры у сыпнотифозного больного, когда ртутный столбик градусника то и дело совершает скачки от самой нижней до самой верхней отметки. В Южной Корее антикоммунистические высказывания Муна поощрялись, однако арест ожидал его за уголовщину и развращение несовершеннолетних. Новоиспеченный «мессия» метался по стране, рекрутируя единомышленников и с помощью обретенных в Сеуле, Токио и некоторых других столицах «друзей» лихорадочно конструируя «теоретические параметры» и задачи будущей секты, деятельность которой, отвечая честолюбивым планам самого Муна, в то же время была бы на руку влиятельным покровителям и по возможности укладывалась бы в рамки буржуазного уголовного законодательства...

И такая секта появилась! Ее «идеологическая основа» с трудом поддается описанию: это — невообразимый коктейль из обрывков различных, по преимуществу самых реакционных воззрений и политических концепций, мистики и суеверий, запугивания и шантажа. Проповедь необходимости рабского труда «во имя господ» (результаты которого должны прежде всего умножать богатства самого Муна) и призывы «уйти в мир отрешенности». Отказ от образования и «отречение от стяжательства» (что опять-таки означает прежде всего, что каждый член секты обязан заботиться не о «личном благе», а о «секте в целом», то бишь о Муне и его присных). Многие положения новоявленного «мессии» вообще невозможно понять, поскольку они излагаются в намеренно туманных фразах, изобилующих софизмами и мистическими заклинаниями. Главное же состоит в том, что все,

даже самые бредовые постулаты, которыми оперируют Мун и К⁰, все его мрачное и темное политическое шаманство зиждется в конечном счете на одной платформе, объединяется и замыкается на одной основе, на одной ультрареакционной и почти истерической ноте — антикоммунистической.

Воинствующий, злобный, прямо-таки исступленный антикоммунизм, густо замешанный на суевериях,— таков стержень «вероучения» Муна. Не случайно именно он еще в 1957 году выступил одним из организаторов созванного в Японии «съезда» некоей «Азиатской антикоммунистической лиги», а в 1966 году основал так называемый «Корпус просветительства за победу над коммунизмом», на базе которого в Японии была создана антикоммунистическая организация «Секе рэнго». «Просветительство» — вот ведь как именует Мун свою пронизанную ненавистью проповедническую деятельность, от которой так и веет средневековьем! О том, как именно «просвещает» Мун своих подопечных, можно судить по такому, например, отрывку из его обращения к японским мунистам: «Вы армия, состоящая из верных солдат бога. Мы должны сколотить ударный кулак антикоммунистических сил и возглавить новый крестовый поход против коммунизма. Моя воля — закон для каждого из вас. Бог поручил мне великую миссию — объединить воедино все христианские течения, дабы изгнать сатанинские силы коммунизма...»

Надо ли в свете сказанного удивляться, что как бы ни бушевали вокруг секты новоявленного «апостола» волны возмущенного общественного мнения, у этой секты, как и предполагал в свое время «провидец» Мун, нашлись влиятельные патроны и покровители. Благодаря им Мун, этот преподобный бизнесмен, стал миллионером: ему принадлежат несколько промышленных предприятий в Японии и Южной Корее, фармацевтические фирмы во Франции, ряд газет

и издательств в США, не говоря уж о двух фешенебельных виллах близ Нью-Йорка, стоимость которых, по данным западногерманского журнала «Шпигель», составляет 30 миллионов марок. Те круги в США, которые во всеуслышание объявляют о новом «крестовом походе» против коммунизма, всех сил мира и прогресса, отнюдь не склонны отказываться и от услуг, которые столь охотно предлагает им антикоммунистический «мессия», энергично обрабатывающий и вовлекающий в свою секту новых «последователей», оболванивая их изощренными псевдорелигиозными трактатами и догмами, запугивая, опутывая ложью и суевериями, подчиняя своей воле,— словом, превращая их в самых настоящих фанатиков, в слепое орудие реакционных сил...

И еще одна особенность ЕХО. Французская газета «Либерасьон», давая ей характеристику, писала, что Мун поддерживает самые тесные связи с ЦРУ. Еще в начале 60-х годов, отмечала газета, пастор-антикоммунист установил деловой контакт с ЦРУ через бывшего южнокорейского военного атташе в Вашингтоне, некоего Бо Хи Пака. И это ему пригодилось. Когда он перебрался из Южной Кореи на жительство в США и попытался было вести себя по старинке, т. е. не считаться с законом, американская Фемида обвинила его в 1982 году в том, что он скрывает от налогов часть своих доходов. Муну грозило заключение в тюрьму сроком на 14 лет. На выручку пришли люди из ЦРУ. В итоге Мун отделался освобождением под залог.

«— У тебя неприятности на службе, большое личное горе?— читала Памела в одном из буклетов, популяризовавших «учение» Муна.— Забудь о суетности своих переживаний. Радуйся, что живешь. Завтра ты можешь не проснуться. Третья мировая война неизбежна!»

Памела видела, что Пентагон и впрямь готовится к войне. На ее глазах в Японию прибывали военные корабли США с ядерным оружием на борту. Друзья, работающие

на американских военных базах, твердили за стаканом виски о подземных тоннелях, где складываются атомные бомбы.

«А что, если кто-то нажмет на кнопки ядерных пусковых устройств?— думала по ночам Памела.— Быть может, прав Мун Сон Мён: сейчас не время спасать свою жизнь на земле, а лучше подумать о будущем на небесах? Тем более путь к спасению ясен. Его начертал сам Мун. «Социалистические страны — царство зла!»— вещает он.— Борись с этим злом и ты спасешь себя. Христос дарует тебе вечную жизнь!»

Неплохо закручено насчет «царства зла», казалось Памеле. Совсем как у Рейгана! Он ведь тоже заверяет американцев, что Советский Союз — «воплощение зла». Да и Мун молодец,— рассуждала молодая американка,— борется с коммунизмом и «божьим словом», и делом. Создал новую религию, а потом и фирму «Тонг ло индастриз энд К^о по производству современного оружия».

Через некоторое время «новообращенная» выехала в США для переговоров о новой работе с руководством ЕХО. Ее ошеломили предложением:

— Не хотите ли отправиться на миссионерскую работу в СССР? Наши люди долго присматривались к вам в Японии. Считаю, что потянете трудный, требующий настоящего подвижничества участок...

Для Памелы Сью Карне наступил долгожданный звездный час. Она, конечно, сознавала, что будет нелегко: ведь ее бросают в самое логово «антихриста». Москва — не Токио. Вряд ли там понравится проповедование «новой религии», призывающей к борьбе с коммунизмом. Но хозяева поспешили рассеять сомнения «просветленной»:

— Начнете с малого. Создадите группу из уже хорошо изученных нами людей. Большинство из них — близкие нам по духу сектанты неговисты-ильинцы...

Позднее Памелу познакомили с «кредо» ильинцев — за-

бористым духовным коктейлем из иудаизма и христианства. Святой троицы не существует, бог Иегова един, учили сектанты. Христос, хотя и родился на небе, святости достиг на земле. Поэтому каждый сектант может, подобно Христу, стать человекобогом — надо лишь ревностно выполнять требование секты. Денно и ночью молиться о спасении души. Игнорировать государственное законодательство, отказываться от службы в армии, от участия в общественной жизни страны, бойкотировать выборы в органы власти. И конечно же, изготавливать машинописные копии «священных текстов» и подсовывать их в почтовые ящики квартир, «забывать» в метро, автобусах, троллейбусах.

Перед отъездом Памела прошла «курс обучения» у специального «инструктора»: ее познакомили с приемами конспирации во «враждебной стране», объяснили, как лучше завязать знакомство, входить в доверие, как подыскивать тайники, фотографировать. И Памела понимала, какую «фирму» представляет ее «инструктор». Да и в ЕХО ей намекнули: ее «учитель» — сотрудник спецслужб.

Люди из ЦРУ «нашли» ее потом и в Москве. Конечно, не сразу. Сначала ей дали возможность освоиться с обязанностями гувернантки в семье второго секретаря политического отдела посольства США в Москве Уильяма Планкерта, познакомиться с Москвой. Ее новый хозяин был либерален. Он не заставлял ее день и ночь торчать в детской.

— Памела, что вы скучаете? — часто спрашивал он. — Поезжайте-ка посмотреть город. Вам не мешает проветриться.

И она гуляла по Ленинскому проспекту, ездила в новые жилые районы, изучала станции метро, отдаленные улицы и запутанные переулки: ведь скоро, возможно, придется назначать здесь конспиративные встречи...

Так прошло несколько месяцев. Кажется, ту осень 1981 года и нынешнее утро в электричке разделяет целая веч-

ность. Что же, с тех пор и в самом деле сделано немало. Особенно запомнились первые шаги — письма в Калинин супругам Екатерине и Александру Б. с просьбой о встрече в Москве. Волнения: а вдруг не откликнутся, не приедут в условленное место?..

В ходе конспиративных встреч в Москве Памела, представившаяся новым знакомым как Паула Кумс, стажер курсов русского языка института имени Пушкина, заводила с «подопечными» беседы на политические темы, прошупывала, чем живут молодые супруги. Кажется, ее зарубежные друзья не подвели: знакомым из Калинина можно доверять. И все же лучше не спешить с выводами. Памела снабжала новых знакомых антисоветской литературой. Потом попросила перевести на русский язык «Святые принципы» Муна с целью их дальнейшего распространения. И наконец, выполняя задание шефов из ЕХО, перешла к главной части операции — организационному оформлению подпольной группы. Снабдила «единомышленников» портативными магнитофонами, пишущей машинкой, вручила им фотоаппарат со вспышкой для съемок «сочувствующих» лиц.

— Фотографировать,— требовала она,— надо по-настоящему — анфас и профиль. Храните оборудование и литературу в специальном тайнике!

Одновременно «друзьям» были переданы инструкции, в которых говорилось, как вербовать людей в подпольную секту, как распространять литературу, содержащую клевету на государственный и общественный строй СССР.

Памела торопилась доказать свое рвение делами. И все-таки ей часто приходила на ум латинская поговорка «фестина ленте» — «спешите медленно». Если уж докладывать об успехах в ЕХО, то фундаментально. Тогда оценят по-настоящему. После консультаций с «соответствующими людьми» у Памелы родился план — еще раз проверить супругов Б. Перед ними поставили задачу: съездить в Краснодарский

край, связаться с сектантами иеговистами-ильинцами, сфотографировать их и, главное, договориться о присылке по первому сигналу в Калинин их представителей на встречу с Паулой Кумс. А одновременно Памела передала своим «подшефным» деньги на кооперативную квартиру для главварей секты и на меблировку этой квартиры.

Деньги... До поры до времени их щедро жертвовали из-за рубежа. Жертвовали, но и требовали от миссионерки: приучай паству к мысли — за все необходимо платить, в том числе и за финансовую помощь. Платить чем? Антигосударственной деятельностью, предательством. Чтобы успешно бороться с антихристом, в свою очередь учила Паула Кумс калининских друзей, надо знать о кандидатах в агенты «новой церкви», их родственниках, друзьях, знакомых. Где работают, какие должности занимают, располагают ли доступом к государственным тайнам? Насколько активны в проведении антиконституционной пропаганды и подрывной деятельности?

...Сидя в калининской электричке, гувернантка из ЦРУ еще и еще раз мысленно возвращалась к тому, что должно сегодня произойти в этом старинном городе России. Все ли в порядке? Обеспечила ли я себе безопасность? В Москве как будто бы все было о'кей. На этот раз она выезжала из столицы как туристка, с официального разрешения властей. Но вот в Калинин придется пораскинуть мозгами, ей ведь туристские достопримечательности ни к чему. Задача другая — попасть незамеченной на конспиративную квартиру. Надо мобилизовать весь арсенал конспиративных уловок...

Город на Волге встретил перронной сутолокой воскресного дня, шумом оживленных улиц, разноцветьем платьев калининских модниц. Вот, наконец, и знакомый дом. Условный стук, и на пороге знакомые супруги: «Входите, рады вас видеть. Все уже давно в сборе».

Кто — все? Памела осмотрела присутствующих. Как будто бы все старые «единомышленники». А кто эти две полные женщины в платках? Неужели приехали курьеры иеговистов-ильинцев из Краснодара? Да, именно так. Теперь есть о чем доложить шефам. Первое организационное собрание подпольной группы мунистов в Советском Союзе, да еще с участием представителей периферии!

— Братья во Христе,— начала негромко Памела,— я пришла к вам для того, чтобы зажечь ваши сердца истинным словом нашего бога-отца и его посланника на земле Мун Сон Мёна. Кем мы были до сих пор? Слепыми детьми, не видевшими дороги в подлинно счастливую жизнь на земле и на небе. Обратим же сегодня наши сердца к тому, кто спасет нас и научит борьбе с сатаной и его соратниками на земле — коммунистами...

Памела точно не помнит, долго ли она продолжала звать к сердцам и мыслям паствы. Ее речь прервал требовательный стук в дверь. Это были представители органов власти. Они потребовали предъявить документы, женщина в молдавской кофточке, побледнев, протянула зеленый паспорт и, запинаясь, назвала себя: «Памела... Памела Сью Карне... Я работать посольство США».

— Какая Памела? При чем тут посольство США? Она же студентка курсов русского языка!— вопрошали переполошившиеся сектанты.

Короткий визит для проверки документов затянулся с 12 часов дня до 19 вечера. Многое было выяснено за эти семь длинных часов, в том числе и то, как Памела создавала сектантскую группу, приезжая в Калинин часто без соответствующего разрешения компетентных советских органов, в нарушение правил передвижения, установленных на взаимной основе в СССР и США для граждан обеих стран. Отвечая на вопросы представителей власти, неудачливая миссионерка и ее немногочисленная паства вскрыли нема-

ло деталей того, как Памела снабжала членов секты подрывной литературой.

Перед нами серия фотоснимков, сделанных во время задержания Памелы. Вот она сидит все за тем же столом с пластиковым покрытием, купленным за ее деньги. Сидит, понуро склонив голову, как бы рассматривая что-то на полу. Все кончено. Прощайте, честолюбивые мечты. На другом снимке она пытается быть дерзкой. Но сквозь нагловатость опять-таки отчетливо виден страх. Да, перетрусил миссионерка, которая вместе с паствой еще недавно клялась «храбро нападать с оружием в руках, сея слезы для людей (советских), а кровь для неба». Перетрусил при первой же встрече с представителями властей. И неспроста. Она понимала, что полностью изобличена. Правда, Памела еще не теряет надежды, хитрит, изворачивается: «Я действительно представилась как студентка Паула Кумс, а не гувернантка в семье сотрудника американского посольства Планкерта. Действительно передала моим друзьям книги и материалы. Но я не считаю, что переданные мной печатные материалы чем-то враждебны советскому обществу».

Итак, враждебны или нет? Перед нами акт о задержании сектантов. «В ходе выяснения личности присутствующих,— говорится в нем,— в квартире обнаружены печатные издания антигосударственного, антиконституционного характера, а также иностранные пишущая машинка, магнитофоны, фотоаппарат, множительная техника».

Были обнаружены на конспиративной квартире и письма желающих вступить в секту. Их оказалось немного, но они были, и в каждое вложены «Мое обещание» плюс «членские взносы» — 25, 50, 150 рублей. Обманутых не только вовлекали в антигосударственную деятельность, их заставляли создавать для нее «местный» денежный фонд. Видимо, там, за океаном, хотели убить сразу двух зайцев. Впрочем, только ли обманутые жертвовали на ЕХО?

Среди тех, кто вкладывал деньги в конверты, давал обещания «бороться с социализмом», хватало и уголовников, у которых были свои счета с Советской властью. Например, некая П. Коваленкова. К «Моему обещанию» и двадцатипятирублевой купюре она присовокупила две справки органов МВД об освобождении из мест лишения свободы. Так, мол, будет вернее. Что же, Коваленкова в своих расчетах права: такие, как она, в самом деле нужны не только Муну, но и в первую очередь ЦРУ...

Опрос задержанных закончен. Составлен и подписан акт задержания... «Что ждет меня?» — терзается Памела. Сейчас, наверное, защелкнут наручники и отправят в камеру. Но нет. Корректный молодой представитель власти говорит ей: «Вы можете быть свободны. Держать ответ за свои действия вам придется в Москве».

Мы не знаем, как проходила исповедь «миссионерки» в посольстве США. Известно лишь, что 16 мая 1983 года, не дождавшись, когда соответствующие документы придут в компетентные органы из Калинина, гугвернантка поспешила дать тягу из СССР.

Что сказать в заключение?

Итак, с Памелой Карне вроде бы все ясно. Неясна лишь роль во всей этой истории мистера Уильяма Планкерта, дипломата из посольства США в Москве. Действительно, по каким причинам он разрешал своей «гугвернантке» столь частые поездки в другие города, причем в нарушение установленного в обеих странах для работников их посольств порядка, который требует официального уведомления властей? Не при его ли помощи получила Памела незаконно ввезенную подрывную литературу и антисоветские издания НТС, изъятые у нее на сборище сектантов? Может быть, отсюда также и вся «щедрость» скромной «гугвернантки», предоставившей деньги на кооперативную, а вернее, конспиративную квартиру в Калининe. Наконец, чем мистер

Планкерт объяснит, что на работу гувернанткой в свою семью он взял эмиссара ЕХО, напрямую связанного с ЦРУ?

КОГДА ПРИХОДИТ ПРОЗРЕНИЕ...

Гражданин США Джерри Сур, как значилось в его паспорте, ехал по ленинградским улицам и проспектам. Ехал, часто меняя виды транспорта — автобус, троллейбус, такси. Кружил по городу. Этим уловкам его упорно и долго учили на Западе перед тем, как послать на «стажировку» на курсы русского языка при Ленинградском университете...

Джерри нервно петлял по городу не зря. Под подкладкой его плаща был упрятан только что полученный от «информатора» объемистый сверток. В нем — туго перевязанные бечевкой разного рода антисоветские печатные материалы и, главное, список предателей Родины, отбывающих в СССР наказание по суду. Бывшие агенты гестапо, каратели, убийцы, на совести которых сотни жизней советских людей. Есть и «свежие жертвы» режима: шпионы, продавшие Родину, матерые рецидивисты, бандиты, насильники. В сфабрикованном списке уголовники значились как «узники совести» в СССР. Удастся ли вывезти за кордон полученные материалы? В генконсульстве США его предупреждали: надо быть осторожным, очень осторожным...

В консульстве высоко ценили «информатора», который передал Джерри клеветнические материалы. Да и сам Джерри был об этом «информаторе» высокого мнения: вид интеллектуала, одет не броско, но со вкусом, в разговоре сдержан. Пожалуй, только одна деталь резанула Джерри Сура: то, как «источник» представился. Протянул визитную карточку с затейливым типографским шрифтом: Репин Валерий Тимофеевич, выпускающий еженедельника «Ленинградский рабочий». «Тщеславие?» — подумал Джерри. Рассказал об этом эпизоде шефам. Те успокоили: не стоит придавать значения. Мелочь, обостренное самолюбие...

Репина в генконсульстве США в Ленинграде знали с конца 1970-х и ценили за энергию, хватку, предприимчивость. Эти качества он проявлял, конечно же, не на посту выпускающего газеты, а выполняя поручения своих закордонных шефов. В консульстве были в курсе и того, что в Мюнхене, где при подрывной радиостанции «Свобода» свила осиное гнездо кучка перебежчиков и отщепенцев, давно уже ведется на Репина пухлое досье. Личная папка на «подающего надежды» антисоветчика имелаась и в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли. Чего там только не было! Похвалы и доносы друзей. Подробности его биографии. Все детали кривой падения — измены Родине...

Как же случилось, что советский человек, родившийся и выросший в годы Советской власти, получивший возможность овладеть интересной профессией, материально обеспеченный, докатился до грани предательства?

Мы могли, конечно, узнать об этом из материалов открытого судебного процесса, состоявшегося над Репиным в марте 1983 года в Ленинграде, — обвинительного заключения, стенографической записи опроса свидетелей, последнего слова обвиняемого и, наконец, из самого приговора, вынесенного судебной коллегией по уголовным делам Ленинградского городского суда. Но хотелось заглянуть за официальные рамки судебного дела. Как видит свою жизнь, свое падение сам Репин? Мы встретились с ним в колонии строгого режима, где он отбывает срок заключения.

— Буду откровенен, — говорит наш собеседник. — Не потому, что надеюсь на какое-то снисхождение. Просто моя история и трагична и поучительна. Она — наглядный пример того, как зарубежные органы пропаганды и связанные с ними иностранные разведки расставляют свои сети, рассчитанные на советских граждан. Расставляют хитро, я бы сказал, тонко. Конечно, улов у них небогатый. Но сам я попал в число тех, кто оказался в этих сетях.

Однажды после работы Репин настроил радиоприемник на музыкальную передачу из США. Музыка скоро кончилась. В эфире зазвучал голос на русском языке. Речь шла о «борцах за права человека в СССР». Эти борцы, вещал диктор, есть и в городе на берегах Невы. Он расписывал их как этаких бескорыстных людей, чья единственная цель — добиться установления «подлинного демократического строя» в своей стране.

Репин на минуту замолкает, как бы собираясь с мыслями. Да, наверное, нелегко ему здесь, в колонии, вновь и вновь перебирать в памяти цепь прежних ошибок... Он рассказывает о том, как постепенно, шаг за шагом, приучил сам себя к слушанию закордонных «радиоголосов» и вскоре уже не мог обходиться без них, подобно тому, как наркоман не может не одурманивать себя все новыми порциями опиума.

А «голоса» искусно, капля за каплей, вливали в душу и разум этого человека яд антисоветизма, навязывали ему чуждые нашему обществу взгляды, сеяли в нем семена вражды к окружающему и, спекулируя на действительных, а чаще всего — мнимых, ими же изобретенных недостатках и трудностях, всю превозносили «свободный» и «процветающий» Запад...

Те же «голоса» внушали Репину: он, дескать, не одинок, в СССР уже создано чуть ли не некое «движение в защиту демократии». Из западных радиопередач он узнал фамилии московских и ленинградских «подвижников» на ниве прав человека: Любарский, Гинзбург-Жолковская, брат и сестра Ходорович, Исакова, Давыдов. Со временем Репину удалось найти и их адреса, войти в контакт с ними.

— Как вы можете охарактеризовать ваших прежних друзей?

— Сегодня — как продажных антисоветчиков, предателей Родины, жадных, корыстных, подлых, лицемерных зло-

пыхателей. Финансовые подачки Запада эти отщепенцы заглатывали, давясь, большими кусками, отталкивая друг от друга, как свиньи, от корыта... Да, сегодня все это для меня — очевидная истина, но тогда, до того как я разобрался в происходящем, что называется, съел со своими бывшими единомышленниками пуд соли, они казались мне поборниками свободы...

«Поборники свободы». Что скрывалось за этой маской? Собеседник знакомит нас с тактикой так называемых диссидентов по втягиванию «новобранцев» в антисоветскую деятельность.

— ...Сначала была проверка: в обстановке уютных ленинградских квартир, за рюмкой дорогого французского коньяка заводили мои новые знакомые, которых я столь поспешно и бездумно возводил в ранг друзей, разговор о нашей советской жизни, о существующих в стране проблемах и трудностях, о недостатках, находивших отражение на страницах советской прессы. От меня ждали критических оценок, задавали наводящие вопросы и, как я позже узнал, незаметно записывали ответы на магнитофонную ленту.

Так продолжалось долго, до тех пор, пока диссидентские «ловцы душ» не убедились — жертва прочно находится на крючке, можно подключать ее к выполнению первых проверочных заданий. Репину поручают навещать родственников «узников совести», то бишь лиц, отбывающих наказание за противоправную, уголовно наказуемую деятельность. В ходе бесед, учат его, ты должен подбадривать их, убеждать — Запад им, несомненно, поможет.

Дальше — больше. Усердному ученику вменяют в обязанность собирать клеветническую, враждебную нашему строю информацию и переправлять ее за рубеж. Потом дело доходит и до главного — изготовления антисоветских фальшивок и сбора сведений, которые будут позднее классифицированы судебной экспертизой как секретные. Через гувер-

нантку генерального консульства США некую Э. Вуд и стажера курсов русского языка при ЛГУ американца Д. Турнбалла Репин получил так называемый вопросник — своего рода инструкцию по сбору шпионских сведений об СССР.

— Только за период с конца 1980 года по май 1981 года, — рассказывает он, — я передал гражданам США Э. Вуд, Д. Турнбаллу, Д. Суру для последующей пересылки через генконсульство США в Ленинграде десять так называемых «информационных писем», содержащих сведения закрытого характера...

Для связи с западными спецслужбами и подрывными антисоветскими «голосами» Репин использовал и так называемый туристский канал. На встречу с ним в Ленинград под видом туристов из Голландии приезжали некие Свильденс Эллен, Лаура Старинк, Хэлла Розенберг. «В посланиях, которые они забирали у меня, — расскажет позже на следствии Репин, — излагались сведения о порядке содержания особо опасных государственных преступников в исправительно-трудовых учреждениях, приводились их заявления с призывами бойкотировать Олимпийские игры в Москве и т. п.»

— Были, конечно, и грязные пасквилы, состряпанные мной и моими наставниками, — признается наш собеседник. — В них мы старались убедить радиослушателей «Голоса Америки», «Свободы», «Немецкой волны», что в СССР царят террор и насилие. Мы знали: такого рода материалы без проверки, с маху, как наживка голодной акулой, заглатываются подрывными идеологическими центрами за рубежом...

— Кому вы высылали клеветническую стряпню?

— Антисоветские материалы шли в основном в диссидентские «почтовые ящики» в ФРГ, точнее — в Мюнхен, в адрес неких Любарского и Давыдова. Эти лица, отбыв в свое время в СССР наказание за антисоветскую деятель-

ность, затем эмигрировали на Запад, рассчитывая, что их покровители не оставят их своей заботой...

Как же сложилась в действительности судьба эмигрантов-перебежчиков? Об этом рассказал в своей книге «ЦРУ против СССР» известный советский публицист Н. Н. Яковлев. Потолкавшись на Западе в поисках работы по специальности, они вскоре поняли: бесперспективное это дело! Свои чувства на этот счет изложил потом в одном из писем на Родину Кронид Любарский, астрофизик по образованию: «Большая, конечно, проблема для нас, эмигрантов, это — работа. Все блага жизни здесь, в общем-то, даются при единственном серьезном условии: надо работать не за страх, а на совесть, так, как мы не умеем. Синекур тут нет, темп и интенсивность работы не выдерживаются...»

Вот и пошли Любарский и Давыдов, приучившие сами себя, что их «работа», их источник доходов — эксплуатация лжи об СССР и диссидентская болтовня, по старой дорожке — приняли предложение ЦРУ стать связниками между спецслужбами Запада и отщепенцами на их бывшей Родине. Именно поэтому и поселились-то они не где-нибудь, а в Мюнхене, там, где свил гнездо рупор ЦРУ — радиостанция «Свобода» (РС).

Но продолжим анализ кривой падения Репина, этого самозваного «борца за права человека», автора антисоветских фальшивок, охотника за шпионскими сведениями. У качественной трансформации отщепенца была и еще одна ступень. Ступень, которой сам Репин в свое время даже гордился, которая особенно льстила его честолюбию, давала ему возможность пыжиться в обществе таких же, как и он, диссидентов, изображая из себя вершителя их материальных судеб. Дело в том, что с 1979 года Репин стал выполнять в Ленинграде обязанности распорядителя так называемого «русского общественного фонда помощи политическим заключенным в СССР и их семьям». Именно от Репина в

значительной степени зависело, сколько сребреников и кому выдать за сбор секретных сведений и клеветнической информации, за инспирирование — как на воле, так и в стенах исправительно-трудовых учреждений — враждебных анти-советских акций. Как установлено в ходе судебного процесса, за период с 1979 по 1981 год Репин израсходовал на эти цели ни много ни мало — 60 тысяч рублей. Удивляться, впрочем, не приходится. Известно, что у «общественного фонда» прочная материальная база. Официально он образован на Западе на деньги предателя Солженицына. Но это, так сказать, для отвода глаз. Действительный источник средств «фонда» другой — ЦРУ...

...Наше свидание близится к концу. В заключение мы просим Репина рассказать о «фонде». «Цели «фонда», — говорит он, — если судить по его уставу, выглядели безобидными: благотворительность на западный манер. Но в действительности доноры «фонда» пеклись отнюдь не о благотворительности. Они мечтали, что путем оказания материальной помощи, а проще говоря — подкармливания разного рода отщепенцев, лиц, отбывающих наказание, и членов их семей им удастся создать в Советском Союзе нечто вроде эдакой пятой колонны...»

Вот несколько достойных «помощи», с точки зрения Запада, людей. Г. Селивоник, осужденная за попытку вооруженного захвата самолета, Л. Лубман — изменник, пытавшийся переправить за границу пухлый «труд», который был красноречиво назван им самим «Экспромт для ведомства г-на Тэрнера, ЦРУ». В нем, кстати, заявлялось, что США-де «должны поторопиться уничтожить СССР с использованием любых, доступных цивилизации, средств». На 248 страницах Лубман сообщал составляющие военную тайну сведения, высказывал рекомендации по активизации подрывной работы против СССР путем проведения шпионажа, террора, диверсий и радиопропаганды.

Не побрезговал взять под свою опеку Репин и тех, кто в годы Великой Отечественной войны обагрил свои руки кровью советских людей. «Благотворительная помощь», в частности, оказывалась некоему Карповичу, бывшему полицая, служившему в карательном батальоне СС, бандеровцу Ткачуку, повинному в смерти многих советских людей, бывшему старшине одного из концлагерей Синягинскому, лично участвовавшему в истреблении женщин, детей в душегубках.

— Посылая деньги,— рассказывает Репин,— я давал понять: «помощь» даром не дают, ее надо отрабатывать. Не можешь собирать шпионские сведения или клеветническую информацию? Принимай участие в инспирированных «фондом» «акциях», изображая из себя «узника совести». Помни: за твоим поведением неусыпно следят. Стоит тебе попытаться стать на путь исправления, как нам сразу же сообщат. Тут уж «помощи» не жди.

На основе таких сообщений из мест заключения Репин вел специальную картотеку о поведении каждого из числящихся в списке. Вот как эта картотека выглядела на практике: А. осужден за измену Родине. Семья порвала с ним. Пометка Репина: «Нуждается в моральной поддержке, и желательно добиться, чтобы на его имя посылала письма от себя его дочь».

Б. Убийца. Пометка Репина: «Мало развит. Требуется моральной и материальной поддержки, так как тяжело переживает свою отсидку. Желательна переписка внутренне воспитательного характера для приобретения уверенности и моральных истин».

В. Осужден за измену Родине, пометка: «Помочь развить обширную переписку с земляками».

Г. Уголовник-рецидивист под кличкой «Люцифер», пометка: «Помогать».

Е. Пытался наняться в агенты ЦРУ. «Ввиду своей стой-

кой позиции и участия в правозащитной борьбе,— пишет Репин,— нуждается в усиленной моральной поддержке. Также материальной».

В. Бывший полицей-уголовник. «Плохих отклонений от лагерной морали не замечено. Вроде порядочный. Нуждается в материальной поддержке».

И так далее в том же духе.

По мере того как пухла картотека Репина, как все чаще и чаще за шпионскими сведениями к нему прибывали закордонные эмиссары, он начинал все отчетливее осознавать, что расплаты за содеянное не миновать. Страх лишал сна. Надежда была на одно: он, Репин, теперь известен на Западе, закордонные «голоса» превозносят его как «борца за демократию, за права человека»,— неужели же его зарубежные покровители не смогут, если потребуется, взять его под защиту? Не смогли! В один из летних дней 1982 года Репин был арестован.

Следственный изолятор Ленинградского управления Комитета государственной безопасности. Репин считал, что, если его арестуют, сразу же начнутся допросы с «пристрастием»: он ведь и сам сочинял небылицы о таких допросах «узников совести» и переправлял эту клевету на Запад. Действительность оказалась иной. С ним беседовали вежливо, спокойно. Мне, заявил он впоследствии на суде, доброжелательно помогали разобраться в преступлениях, которые я совершил, помогали проанализировать те причины, которые толкнули меня на нарушение законов...

Беседы, следствие длились несколько месяцев. В конце концов Репин понял, в какую трясиину завлекли его недавние «друзья» и те, кто стоял за их спиной. «Неопровержимость доказательств и беседы со следователем, который, проявляя тактичность и терпение, со всей убедительностью показал мою неприглядную роль в политических махинациях, проводимых разного рода антисоветчиками из числа

моих знакомых; убедили меня, как глубоко я ошибался и какой вред своей деятельностью я нанес нашей стране, нашему народу», — скажет он впоследствии на суде.

В своих показаниях, в выступлении по телевидению Репин еще раз подтвердил, что само существование в СССР так называемых диссидентов — жалкой горстки оторвавшихся от советского общества лиц — стало возможным лишь благодаря тому, что противники социализма подключили к этому делу западную прессу, дипломатические, а также разведывательные и иные специальные службы. «Дело Репина» подтверждает и то, что «диссидентство» стало своеобразной профессией, которая щедро оплачивается валютными и иными подачками, что, по существу, мало отличается от того, как расплачиваются империалистические спецслужбы со своей агентурой.

...Мы расстаемся с В. Т. Репиным. «Я прошу, — еще раз повторяет он, — поверить, что мое признание, мои действия после того, как я был арестован, объяснялись не стремлением умалить собственную вину. Я хотел и хочу, чтобы моя судьба явилась наглядным уроком для тех, кто подпал под влияние разного рода подрывных, подстрекательских западных голосов и других средств враждебной нам пропаганды».

ГОСПОДИН НИКТО

С Эльбертом Тугановым мы встретились на киностудии «Таллинфильм». Разговор получился не сразу.

— Стоит ли ворошить прошлое? — спрашивал собеседник. — Ведь все, что можно сказать в объяснение моего поступка, я уже изложил в заявлении для общественности Эстонии...

Что ж, настроение Туганова в какой-то мере можно было понять. За многие годы работы на «Таллинфильме» этот из-

вестный в Эстонии режиссер и художник успел привыкнуть к тому, что если представители прессы и обращаются к нему, то речь обычно идет о его творческих успехах и планах, о его работе по созданию стереоскопических кукольных фильмов. А тут от него ждут рассказа на тему совсем иного рода — об обстоятельствах тяжкого проступка, который он чуть было не совершил против Советской Родины. Эту позорную страницу своей биографии он, Туганов, хотел бы раз и навсегда перевернуть, забыть. Но что поделаешь! — слишком уж поучительна его история, чтобы ее замолчать. Она, эта история, наглядный пример того, как спецслужбы западных стран, используя самые грязные приемы, ведут работу против советских людей, находящихся за рубежом.

...Это случилось в 1982 году. Осенью, в октябре, Эльберт Туганов в составе группы советских кинематографистов вылетел в туристскую поездку по Марокко и Испании. Его провожали жена, две дочери. Обычные слова прощания, просьбы беречь себя. Они любили Эльберта, гордились им. Видели в нем не только мужа и отца, но и наставника, друга. Вечерами в большой комфортабельной квартире в новом жилом районе Таллина — Ласнамяэ — или на даче перед камином он часами просиживал со старшей дочерью Катрин, выпускницей художественного института, над ее дипломной работой. И позднее, когда Катрин уже стала членом Союза художников Эстонии, старался помогать ей в работе. Для младшей, Керсти, любил играть роль Деда-Мороза. Только подарки его были значительно внушительнее — например, автомобиль «Запорожец»...

И вот интересная, полная новых впечатлений поездка. Правда, он, Туганов, за границей не впервые — ему уже доводилось, и не раз, бывать в зарубежных туристских путешествиях. Ему хорошо знакомы и шумные, чем-то похожие друг на друга международные аэропорты, и отели для туристов, и напоминающие гигантские аквариумы туристские

автобусы... В Марокко Туганов легко и бездумно свел знакомство с некоей разговорчивой и, казалось, весьма дружелюбно настроенной супружеской парой из ФРГ. Потом, неделю спустя, эта же пара неожиданно встретила его уже на улицах Мадрида. Странное совпадение? Туганов над этим не задумался, не удивился: чего в жизни не бывает...

Сели на скамейку в парке и снова, как в Марокко, разговаривались «по душам». Незаметно западногерманский «турист» от погоды и красот испанской столицы перешел к политике. Ах, как свободно, как смело критиковал он ушедшее в отставку в ФРГ правительство Гельмута Шмидта! Какие остроумные отпускал замечания, какими сыпал меткими и ядовитыми репликами! И когда «турист» внезапно перевел разговор на тему о Советском Союзе, где он якобы побывал три года назад, Туганов решил перещеголять собеседника собственными «откровениями»...

Позднее в своем заявлении «История моего заблуждения» он так охарактеризовал свое поведение: «Я не особенно следил за выражениями и, давая оценку людям и явлениям, не думал о том, верны ли, правдивы ли мои обобщения, опирающиеся на отдельные, чаще всего совершенно нехарактерные для нашей страны факты. Я говорил о явлениях, которые относятся к области советской демократии и демократического централизма, касаются роли личности в истории, выбирал такие примеры, которые, по моему мнению, можно было расценивать отрицательно».

Словом, Туганов выглядел эдаким тщеславным павлином, распутившим пышный хвост красноречия, замешанного на клевете. Поглядите, дескать, на меня — экий я независимый, раскованный «свободный художник», мыслящий широко космополитически!

Отрезвление наступило внезапно. Когда критический раж Туганова пошел на спад, он вдруг увидел, как запад-

ногерманский «турист» выключил висящий на шее магнитофон-малютку.

— Что вы делаете!— опешил Эльберт.

Собеседник усмехнулся:

— Интересно было услышать откровенные высказывания советского деятеля культуры.

«Турист» из ФРГ явно был удовлетворен. Еще бы: он умело «разговорил» советского человека, толкнул его на заявления более чем сомнительного свойства, точнее — на клевету против собственной страны и зафиксировал эту клевету на магнитофонной пленке. Его задача «загонщика» (а именно так именуют на жаргоне ЦРУ тех, кому поручено шантажировать находящихся за рубежом советских людей) выполнена. Остается лишь ждать указаний, что делать с «добычей».

— Неожиданно я понял,— вспоминает Туганов,— что встреча в Мадриде, готовый к записи и умело скрытый магнитофон, разговор, который провоцирует на критиканство,— все это не было случайностью. Речь шла о самой настоящей, продуманной, заранее спланированной провокации, начало которой было положено в Марокко.

Что же сделал Эльберт Туганов, как реагировал он на происшедшее? Вместо того чтобы, осознав ошибку, рассказать о случившемся товарищам по группе, посоветоваться с ними, словом, найти в себе мужество эту ошибку исправить, он выбирает иной путь — путь предательства.

— Меня охватил страх, почти паника,— продолжает он.— Я думал, что стоит лишь мне вернуться в СССР, меня тут же задержат и осудят за клевету. Так созрело опрометчивое решение не возвращаться.

В тот же вечер тайком он пишет в номере письмо коллегам-кинематографистам по группе. «Уважаемые друзья, прошу меня не ждать и не искать. Я попал в такое положение, что не осмеливаюсь вместе с вами вернуться в Со-

ветский Союз. Я остался тут не потому, что мне нравится капиталистический мир. Я знаю, что мне будет тяжело...»

— Я не хотел, чтобы мои коллеги по группе и там, в Эстонии, считали меня предателем, перебежчиком. Мое возвращение на Родину стало невозможным просто из-за глупого случая,— говорит Туганов.

Что же, хотелось бы поверить ему. Не большое это удовольствие — прослыть предателем среди друзей и близких! Но мы знаем и другое: Туганов не только пытался объяснить в письме причины своего поступка, он счел возможным включить в него и некоторые из тех клеветнических утверждений, которыми щеголял перед западногерманским «туристом». Зачем? Чтобы обеспечить себе путь на Запад, напав на тогу «идейного борца»? Или доказать «невозможность» своего возвращения на Родину? Так или иначе, Туганов явно поддался соблазну представить себя и перед соотечественниками, и перед своими будущими хозяевами на Западе эдаким «диссидентом». Недаром за его письмо ухватилась впоследствии окопавшаяся в Мюнхене (ФРГ) радиостанция «Свобода» (РС), эта содержанка и рупор ЦРУ. Чтобы раздобыть копию письма Туганова, профессиональные провокаторы из РС не пожалели ни средств, ни сил и даже специально привлекли для выполнения своего плана некую обитающую в Париже националистку-эмигрантку Майре Мянник, именующую себя «ревнителем эстонской культуры», а в действительности являющуюся агентом ЦРУ.

— Я опасался,— рассказывает Туганов,— что товарищи по туристской группе не передадут моего письма на Родину. Поэтому я решил воспользоваться услугами Майре Мянник, моей старой знакомой по прежним поездкам за рубеж. Сколько часов провели мы у нее дома в Париже за откровенными, как мне тогда казалось, беседами, в том числе и на политические темы! И всегда дружеское участие бы-

ло в ее глазах. Ей-то я и направил из Мадрида четыре копии письма, попросив переправить их моей семье, в студию кукольных фильмов, в «Таллинфильм» и в правление Союза кинематографистов Эстонии. Я не знал, я и подумать не мог, что Мянник изготовит пятую копию — специально для парижского эмиссара «Свободы» Карасева-Оргуссаара...

Эльберт Туганов не знал... Он многого не знал, а точнее — не хотел знать, не желал вдуматься в последствия своего поступка! Не знал того, что Майре Мянник не спросит разрешения на то, чтобы запустить в эфир его «Письмо» и представить сбежавшего жителя Таллина, этого в общем-то далекого от политики и малодушного человека, как «давнего идейного борца за политические свободы в СССР». Не знал и того, кто, какого сорта господа будут в радиостанции «Свобода» заниматься «делом Эльберта». А они кинулись на это «дело», как свора оголодавших псов на брошенную кость...

Здесь, пожалуй, уместно сделать небольшое отступление и рассказать о том, кто в Мюнхене взялся за «раскручивание», разумеется, в злобно антисоветском, провокационном ключе, истории с «невозвращенцем Тугановым». Указание подготовить серию радиопередач о перебежчике дал лично Дж. Бакли, экс-сенатор США, махровый реакционер и антикоммунист, в 1982 году назначенный Белым домом на пост «президента» «Свободы» и «Свободной Европы» (РС/РСЕ). За выполнение этого указания взялся Александр Террас, заведующий эстонской редакцией РС. Кто он такой? Родился в 1920 году в Таллине. В 1943 году подался в Финляндию, находившуюся в состоянии войны с СССР, был зачислен в органы военной разведки, где собирал интересные враждебные спецслужбы данные о населении советских Прибалтийских республик. Затем перебрался в Швецию, где с 1947 по 1949 год сотрудничал с разведкой одной из западноевропейских стран. В 50-х годах завербо-

ван ЦРУ. В 1956 году направлен для работы на радиостанцию «Голос Америки», где вскоре возведен в ранг «идейного борца за свободу Эстонии», в 1975 году переброшен в Мюнхен для «укрепления» эстонской редакции РС. Свое «политическое кредо» этот предатель и авантюрист, кормящийся антисоветчиной, сам с достаточной откровенностью изложил в эмигрантском листке «Театая»: «Главное место в передачах радиостанции «Свобода» должно отводиться дискредитации любыми методами внешней и внутренней политики Советского Союза. Особый упор необходимо делать на включение в повестку дня различных международных форумов вопросов о так называемой «прибалтийской проблеме».

А вот еще два сотрудника РС, которые, следуя указаниям шефа, всячески пытались раздуть «дело Туганова» в эфире. Уроженка Таллина Кристи Таммик. Бывшая артистка варьете. В 1975 году выехала со вторым мужем — иностранцем — на короткий период к родственникам в ФРГ. Очутившись на Западе, быстренько нашла себе любовника, ушла от мужа и приняла решение не возвращаться на Родину. Для советских людей моральный облик К. Таммик ясен: женщина, отказавшаяся не только от Родины, но и бросившая в Таллине ради любовных и прочих утех ребенка. Но такая «мораль», видимо, вполне устраивает хозяев «Свободы». Недаром они немедленно предложили бывшей артистке активно участвовать в клеветнических радиопередачах антисоветского толка, на которых специализируется подрывной мюнхенский радиоголос. Участвовать, естественно, не бесплатно, а за тридцать сребреников в марках ФРГ.

Рихо Месилане. Родился в 1949 году в Пярну. Бывший диктор Эстонского телевидения. В 1978 году выехал в туристскую поездку по Дунаю и остался в Вене. Незадолго до этого развелся с женой, бросил шестилетнюю дочь и же-

нился вторично. Когда уезжал за рубеж, его новая жена ждала ребенка. Беременна была и его любовница. Что же, еще один вполне достойный кадр для тех кругов на Западе, которые так любят читать другим мораль на тему о том, как им следует устраивать свою жизнь...

Но вернемся к Туганову, который, как он утверждает, «многого не знал». В октябре 1982 года он явился в один из полицейских участков Мадрида с просьбой предоставить ему политическое убежище.

— Оттуда,— вспоминает Туганов,— меня препроводили в специализированное полицейское учреждение, занимающееся подобными мне людьми. Там с помощью переводчиков я оформил временные документы «политического беженца». Перед этим пришлось, словно уголовному преступнику, дать отпечатки пальцев, сфотографироваться в профиль и анфас, заполнить графу «особых примет». И только после этого полиция передала меня в руки Красного Креста, а точнее, директрисе отдела беженцев этой организации госпоже Фран Герригуес.

Надо сказать, эти женские ручки отнюдь не мягко обходились с новоявленным поклонником «западных свобод». Его поместили в третьеразрядную гостиницу, напоминавшую грязный барак, где он жил вместе с беженцами из Ирака и Ирана. Его телефонные разговоры и переписка тщательно контролировались. А в чем же проявлялась «забота о беженце» со стороны Герригуес? Она дала указание оплачивать ему скудную еду и даже выделила денежное пособие на покупку рубашки, носков и нескольких носовых платков. Ведь, убегая из гостиницы, «свободный художник» Туганов в панике бросил там свой чемодан...

А тем временем за кулисами велись лихорадочные переговоры — куда бы сплавить 62-летнего эмигранта из Эстонии? Власти западных стран почему-то не спешили с ответом на его слезную мольбу о предоставлении политического

убежища: западным спецслужбам он нужен был прежде всего как их агент, видный деятель эстонской культуры, живущий и работающий у себя на Родине. Именно исходя из этого они и готовили провокацию. А он нарушил их планы и, испугавшись, не захотел возвращаться в СССР. И все-таки, чтобы прощупать почву, одна из разведок прислала к Туганову своего агента, говорящего по-русски. Тот пришел в обществе испанского полицейского и предъявил Туганову серию фотографий.

— Это сотрудники советского посольства в Мадриде. Кого из них знаете? Поделитесь сведениями о них.

Туганов никого и ничего не знал. Надежды на осведомленность новоявленного отщепенца угасли. И это оказалось равносильным приговору. Его выселили из гостиницы и переправили в монастырь — оттуда, мол, будет реже надоедать просьбами, да и содержание этого не очень-то нужного изгоя обойдется значительно дешевле.

— В монастыре, — вспоминает наш собеседник, — у меня появилось время основательно осмыслить свой поступок. Как и раньше в гостинице, меня кормили, над моей головой была крыша. Но чтобы оплатить свой хлеб, я работал в саду...

Туганов собирал миндаль, финики, орехи, выкорчевывал сухие деревья. Выкорчевывал и чувствовал, как выкорчевывает самого себя из любимого искусства, из памяти далекой теперь семьи, тех, кто был дорог и близок. По ночам его охватывали тяжелые, гнетущие мысли — да уж не погребен ли он заживо среди этих холодных каменных стен? Его судьба никого не волновала. Ни одна из обслуживающих монастырский пансион четырех монашек — ни мать Целия, ни сестры Роза, Колумба и Франциска не интересовались, откуда он, как попал в Испанию, надолго ли здесь останется? Для всех он был просто сеньор Эльберто, или, вернее, господин Никто.

Какую свободу я тут нашел?—вновь и вновь задавал себе Туганов один и тот же мучительный вопрос. Свободу жить в одиночестве, загнанным волком, без друзей и семьи, без Родины? Свободу с протянутой рукой выпрашивать политическое убежище под условием, что за это «убежище» с лихвой оплатишь наветами и клеветой на все, что было когда-то дорого? Свободу отказаться от любимого искусства и заняться земляными работами?

Перед тем как заснуть, Эльберт часто прокручивал в памяти ролик собственной жизни. В буржуазной Эстонии он не имел ни кола ни двора. Советская власть открыла перед ним, как и перед всеми жителями республики, широкие возможности. Отслужив положенный срок в армии, молодой Туганов в 1946 году пришел на студию «Таллин-фильм» помощником кинооператора. Новое дело пришлось по душе, захватило. Со временем он увлекся рисованными и кукольными фильмами. «Работа с куклами — это чудо, — скажет позднее он в одном из интервью. — Хотя бы потому, что ты вдыхаешь в них жизнь. Разве не приятно быть творцом чуда? В куклах всегда есть что-то радостное. А я человек оптимистический, люблю веселую работу и не хочу делать тяжелые фильмы».

Было и другое, что во многом объясняло его увлеченность куклами. Когда он только начинал свой путь в кино, дочери были маленькими. Их мир его очень интересовал. Хотелось доступно рассказать им и другим детям о том, чего они не знают, — рассказать именно с помощью кукол, запечатленных на киноплёнке. В итоге родились ленты «Сон маленького Пэтера», «Северный дракон», «Лесная сказка», «Отть в космосе».

Шли годы. Вслед за первыми детскими кинолентами появляются все новые работы Туганова, адресованные уже взрослым. Одна из них, «Сувенир», рассказывала об американской агрессии во Вьетнаме. Рецензируя этот фильм,

эстонская печать отмечала: «Лента не только пронизана антивоенным пафосом. Она несет глубоко философский заряд».

«Философский заряд»... Там, в испанском монастыре, он часто думал о содержании своих фильмов. В Таллине ему подчас приходилось слышать: а не слишком ли сложны его ленты для ребенка? Этот вопрос всегда заставлял его бросаться, как в атаку, в жаркую дискуссию: «Да ведь ребенок должен вырабатывать в себе умение анализировать то, что он видит дома, в детском саду, в школе, в кино! Гораздо больший воспитательный эффект даст такой фильм, который помогает ребенку самому во всем разобраться». Так спорил Туганов с иными оппонентами. Но почему же он сам — не ребенок, а взрослый и, казалось бы, умудренный опытом человек — не смог сразу же разобраться в том, что произошло с ним за границей?!

Уже первые ленты Туганова привлекли к себе внимание. Небольшая группа энтузиастов, которую он возглавлял, поначалу работала в нелегких условиях. Студия была крохотной, кукольного павильона не существовало. Но пришел успех, а вместе с ним и условия для еще более плодотворной творческой работы. Просторное съемочное помещение в живописном пригороде Таллина, специальный «кукольный цех», где можно изготавливать и куклы, и декорации. Он вспоминал, как росло число заказов. Только Центральное телевидение ставило по 12 фильмов в год. В 1970 году Туганову было присвоено звание заслуженного работника культуры ЭССР, а затем — народного артиста республики. Коллеги вскоре избирают его секретарем правления Союза кинематографистов республики. Такова его биография.

В свое время за рубеж, в эмиграцию, бежали враги молодой Советской Республики — те, о которых еще В. В. Маяковский писал: «Эту накипь революция выплеснула за борт». В годы второй мировой войны, когда под ударами

Советской Армии начал трещать, рассыпаться «третий рейх», на Запад устремились всякого рода фашистские прихвостни, стремившиеся спасти свою шкуру от справедливового возмездия. Все это было по-своему закономерно. Но что же, какая дикая, нелепая ошибка толкнула на путь «невозвращенца» его, Туганова, советского художника?

Наш собеседник на минуту замолкает, как будто устав от воспоминаний.

— Там, на Западе,— продолжает он,— я с особой силой осознал, что своими достижениями был обязан не только и даже не столько себе: ведь все, что удалось сделать,— сделано силами дружного творческого коллектива. А если смотреть шире, анализировать глубже, то станет очевидным, что весь мой (да и не только мой!) творческий путь берет начало из политики нашей страны, направленной на развитие всех национальностей СССР, на подъем культуры, которая действительно является в нашей стране достоянием народа. Именно эта политика дала возможность даже такой небольшой республике, как Эстония, добиться невиданных успехов в литературе, музыке, искусстве...

Громкие слова раскаивающегося человека? Стремление загладить вину? Нет, мы верим, что Эльберт Туганов не погрешил против истины.

В разное время и по разным причинам судьба забрасывала в добровольную или вынужденную эмиграцию многих людей, в числе которых было и немало мастеров культуры калибром куда крупнее, нежели Эльберт Туганов. Иные из них пробыли на Западе десятилетия, их творчество пользовалось признанием, они не знали материальных невзгод. И все же как тяжело, а порой и трагично складывалась их судьба на чужбине. Жизнь подтверждала народную мудрость — «Человек без Родины, что земля без семени», «Расставшийся с другом плачет семь лет, расставшийся с Родиной — всю жизнь». Недаром знаменитый русский писатель

Александр Куприн, будучи в эмиграции в Париже, отмечал, что он не испытывает никаких иных чувств, кроме чувства «тягостной оторванности» от Родины. Недаром известный артист и поэт Александр Вертинский писал в своих мемуарах, над которыми он начал работать еще в эмиграции: «Все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался,— я отдаю за один, самый пасмурный, самый дождливый и заплаканный день у себя на Родине!»

«Россия,— писал еще И. С. Тургенев,— без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!» Туганов попробовал «обойтись» без Родины. И вот теперь, оказавшись в далекой Испании в положении абсолютно бесправного и никому решительно не нужного апатрида — «человека без гражданства» и в одиночестве вскапывая твердую, словно спекшуюся под лучами палящего солнца землю в саду монастыря, он жестоко расплачивался за свою ошибку.

— Время летело быстро. Но еще быстрее под влиянием раздумий все больше отступал на задний план мой страх перед возможной расплатой за содеянное,— заключает Туганов свой рассказ.— Я, разумеется, понимал, что, как говорится, дров наломал немало и отвечать придется. Но мысли об ответственности отступали перед ужасом положения изгоя, на которое я сам себя обрек, перед чувствами одиночества и щемящей тоски по Родине, тоски по оставшимся там близким, перед ощущением полнейшей незащитности. Верх брало чувство раскаяния, желание пусть с опозданием, но любой ценой исправить ошибку. Я клял тот час, когда собственным безответственным поведением дал повод для шантажа. Все тверже выкристаллизовывалось решение — вырваться из западни и вернуться в Таллин. Вернуться, что бы меня ни ожидало...

Он сообщает «попечителям» о решении пойти с повинной в посольство СССР. Ещё недавно никому не нужного изгоя начинают уговаривать, пытаются удержать: «Быть может, вы хотите выехать из Испании в другую страну до официального предоставления вам где-либо политического убежища?» Ему предлагают деньги, угрожают.

Но на сей раз Эльберт Туганов проявил твердость. «Пусть сейчас,— сказал он,— мне предоставит право на проживание хоть дюжина государств, но единственная страна, где я хотел бы жить,— это мой Советский Союз».

В декабре 1982 года, через месяц и восемь дней после побега, Туганов пришел в посольство СССР в Мадриде.

— Какое наказание грозит мне?— задал он вопрос консулу.— Я готов на все, только отправьте меня домой.

Президиум Верховного Совета СССР, куда Э. Туганов обратился с официальной просьбой разрешить ему возвращение на Родину, принял положительное решение по его вопросу. Учитывалось все: и обстоятельства совершения ошибки, и искреннее раскаяние, и прошлые заслуги. Надеялись и на то, что Туганов своим трудом докажет, что Родина в нем не обманулась...

...Когда мы впервые пришли на студию «Таллинфильм», Эльберт Туганов консультировал очередной детский кукольный фильм под рабочим названием «Типатапа». Потом, после долгой и нелегкой беседы о прошлом, мы сидели с ним за чашкой кофе в гостинице «Виру», и он пытался как бы подытожить свой взволнованный и горький рассказ.

— Сейчас, находясь в родном городе, в кругу любимой семьи, я смотрю на многое другими глазами. Поймите меня правильно: мы, творческие работники, избалованы заботой, вниманием. Иные из нас — и я был в их числе — постепенно начинают чувствовать себя «незаменимыми», «самыми умными», прекрасно разбирающимися во всех вопросах, включая и политику.словно раковая опухоль, растет у них

болезненное самомнение, тщеславие, нигилизм, уродливо гипертрофированное представление о собственном «я». Стоит кому-нибудь сказать критическое слово о неудачном кадре или фразе фильма, и они начинают разглагольствовать о «праве художника видеть вещи только своими глазами», повторять — чаще всего с чужого голоса — демагогические фразы о том, что их-де «лишают свободы творчества»...

Он вновь с минуту помолчал, задумавшись о чем-то. Потом прервал было затянувшуюся паузу:

— Мы довольно часто говорим и пишем, что хороший художник не может быть плохим гражданином. То, что случилось со мной, свидетельствует об обратном. Что же, я больше никогда не повторю подобной трагической ошибки.

Мы расстались с Эльбертом Тугановым в уверенности — не повторит. Слишком горький урок преподавал он сам себе, чуть было не превратившись в изгоя, предателя. В господина Никто.

ПРОВОКАТОРЫ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ «ОТМЫЧКАМИ»

День и ночь, день и ночь приземляются в Шереметьеве — главном международном аэропорте страны — серебристые лайнеры с эмблемами разных государств. Взгляните на оживленную вереницу гостей Москвы, выходящую к легковым машинам и автобусам из здания аэропорта, — «какая смесь одежд и лиц»! Политические и общественные деятели. Дипломаты и бизнесмены. Делегации ученых и молодежи. Представители профсоюзов и активисты антивоенного движения. Деятели культуры и спортсмены. И конечно же, туристы. Если в 1967 году число иностранных туристов, посетивших СССР, составляло 1,7 миллиона человек, то уже в 1973 году эта цифра достигла 2,9, в 1977-м — 4,4, а в 1982-м — более пяти миллионов человек!

Рост туризма, как и развитие культурного и научного об-

мена, целиком отвечает задачам внешней политики СССР, последовательно выступающего за мир, дружбу, взаимопонимание между народами. Одновременно рост туризма — это и яркое убедительное свидетельство огромной притягательной силы родины Октября. Цифры этого роста показывают, что ни иступленная антисоветская пропаганда, развернутая в США, в стане НАТО, ни угрозы и запугивание — ничто не в силах воспрепятствовать огромному интересу миллионов людей из разных уголков земли к жизни, опыту, впечатляющим достижениям первой в мире страны социализма.

Большинство зарубежных туристов приезжает в нашу страну с открытым сердцем, с самыми добрыми намерениями. Но нет-нет с трапов самолетов, прибывающих в СССР, сходят и иные «гости». Им нет никакого дела до достижений советского народа в строительстве новой жизни, в борьбе за сохранение и упрочение разрядки и мира. Это — туристы особого рода, и посылают, а точнее, забрасывают их к нам отнюдь не туристические фирмы. Их вояжи планируются и финансируются различными существующими на Западе подрывными антисоветскими центрами вроде «Народно-трудового союза» (НТС), «Международной амнистии», «Христианской восточной миссии», «Всемирного конгресса свободных украинцев» и т. д. Наименования, как видим, разные, а вот цель одна — идеологические и иные диверсии против социализма. Все эти «союзы» и «миссии» не что иное, как филиалы западных спецслужб, руководимые и направляемые в конечном счете одним хозяином — ЦРУ США.

Для того чтобы встретиться с «туристами», о которых идет речь, нет нужды участвовать в научных симпозиумах, приобретать билеты в театры или посещать туристские отели. Зачастую с ними можно познакомиться тут же, в аэропорту Шереметьево, а именно в той его части, где при-

бывающие в Москву пассажиры проходят установленный международными правилами таможенный досмотр. Вот перед нами туристка из Нидерландов, некая Н. Потье. Вопросы, с которыми обращается к ней сотрудник таможни, воспринимаются ею как чуть ли не покушение на ее личную свободу. На лице «дамы из Амстердама» — благородное возмущение.

— Да, это моя книга, и вам нет никакого дела, что я желаю читать в дороге! — кипит она. — Или ваши правила запрещают пассажирам иметь те издания, которые их интересуют?..

— Нет, не запрещают, — спокойно разъясняет сотрудник таможни. — Каждый пассажир может иметь с собой литературу для личного пользования...

— В таком случае чего вы от меня хотите! — взвизгивает Потье.

— Но пассажир, согласно правилам, должен иметь такую литературу в разумном количестве, — продолжает сотрудник таможенной службы. — А как обстоит дело у вас?..

Чемоданы открыты — в каждом из них под одеждой пачки одинаковых книжонок и брошюр антисоветского содержания. Сто, сто пятьдесят, двести, двести семьдесят пять... По мере того как таможенники подсчитывают число изданий, находящихся в «дорожной библиотеке» Потье, с лица туристки сползает выражение наигранного возмущения. Ей явно не по себе — она понимает, что попалась с поличным.

— Объясните, пожалуйста, кому предназначаются эти книжки? И для чего вы вместе с ними взяли с собой список ряда советских граждан, о которых известно, что они привлечены к уголовной ответственности?

Потье растеряна, она бормочет что-то невразумительное. Позднее она признается: «Да, я являюсь членом враждебной советскому строю организации, именующей себя «Меж-

дународная амнистия». Эту литературу привезла по заданию. В мои цели входило разослать книги и брошюры по адресам, а также побеседовать с родственниками осужденных с тем, дабы по возвращении на Запад выдать преступников за «идейных борцов», якобы пострадавших за политические идеалы».

А вот другой «турист» подобного же сорта — некий Ричард Тобурн, гражданин Великобритании. Едва войдя в зал, где проводится таможенный досмотр, он начинает вслух возмущаться «советскими порядками», ссылаясь на права человека и даже на Заключительный акт Хельсинкского совещания. Дескать, был он в Нью-Йорке, Париже, Брюсселе — нигде его багаж не досматривали, а вот в Москве... Ревнителю «прав» предлагают показать, что он везет в карманах-тайниках, специально нашитых на его рубашке. И его клеветнического запала как не бывало. Стараясь не встречаться глазами с другими членами туристской группы, которые с возрастающим удивлением взирают на происходящее, он достает из тайников более ста советских почтовых конвертов с аккуратно написанными на них адресами лиц, живущих в разных городах СССР. В каждом конверте — миникопия махрово-антисоветского журнальчика «Посев», издаваемого во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) фашиствующим эмигрантским центром НТС на средства и под патронажем ЦРУ. Здесь же анонимные «воззвания» антисоветского характера.

— Как все это прикажете понимать?— спрашивают «туриста».

— Не знаю...— изворачивается он.— Я ни при чем... Меня попросили...

Выясняется: вояжер из Англии выполнял задание НТС. Эмиссары НТС снабдили его не только подрывной литературой, но и почтовыми конвертами с адресами советских людей.

— Скажите, кто готовил конверты? Откуда взятые адреса?

Мистер Тобурн этого не знает или делает вид, что не знает. Впрочем, кто «наводит» западные спецслужбы и их агентуру из НТС на советских граждан, в отношении которых замышляются провокации, секрета не составляет. Чаше всего это — под опекой «экспертов» спецслужб — делают всякого рода предатели и отщепенцы, бежавшие или эмигрировавшие на Запад и нашедшие приют под крышами подрывных антисоветских центров. При этом составители списков могут даже не знать тех людей, к которым они рекомендуют направить антисоветские материалы. Адреса этих людей подчас черпаются из случайных источников. «Принцип» действует такой: чем шире заброшена сеть, тем больше шансов хоть на какой-то улов. Сто почтовых конвертов с «Посевом» — сто крючков с антисоветской наживкой.

А как изощряются в идеологических диверсиях против СССР сионистские коробейники! Вот лишь двое из них — некие С. Дикман и его супруга А. Мишаловски, прибывшие в нашу страну в качестве туристов из Бельгии. Готовили их к вояжу тщательно: Дикману был вручен специально изготовленный чемодан с двойным дном, мадам Мишаловски экипировалась сама — приобрела огромный корсет, сшила напоминающее спальный мешок пальто, которое должно было служить не столько одеждой, сколько своего рода тайником для антисоветской литературы. Да, все, казалось бы, было предусмотрено. Но вот — уже в СССР — сотрудник советской таможни просит «туриста» из Брюсселя открыть чемодан и, осмотрев его, извлекает из тайника туго спрессованные пачки сионистских книжонок. Увидев это, супруга Дикмана бросается в дамский туалет: скорее, скорее, вышвырнуть спрятанный под корсетом и пальто нелегальный тобар. Напрасные старания! «Туристы-сионисты пойманы с поличным.

Да, очень бы хотелось определенным кругам на Западе, враждебным социализму, воспользоваться развитием контактов и связей между странами с различным социальным строем и, выворачивая наизнанку существо хельсинкского Заключительного акта, который решительно отвергает все и всяческие формы вмешательства в чужие дела, попытаться, ссылаясь на этот акт, навязать советским людям «мысли и идеи Запада»! А поскольку оснащенных клеветнической «продукцией» идеологических диверсантов все чаще ловят за руку, западные спецслужбы, и прежде всего ЦРУ, усердно разрабатывают для подопечных всякого рода «прикрытия», снабжают их такими инструкциями, которые, по расчетам «экспертов», должны позволить им безнаказанно заниматься в СССР своими неблагоприятными делишками...

Перед нами брошюра «Дельные советы туристам», изданная в ФРГ и специально предназначенная для выезжающих в СССР. Казалось бы, сделано полезное дело: многие туристы, отправляясь в незнакомую страну, конечно же, охотно взяли бы в дорогу с собой небольшой, карманного формата, справочник об этой стране, ее достижениях и достопримечательностях, ее истории, культуре. Однако стоит перелистать брошюру, чтобы убедиться, что все это ни в малейшей степени не интересует ее авторов.

«Собранные здесь сведения,— многозначительно возмущают они,— необходимо прочесть неоднократно. Их нужно не только систематически перечитывать, запоминать. Поэтому советуем вам не причислять брошюру к разряду обычной литературы». Что верно, то верно: к разряду обычных туристских изданий брошюра, о которой идет речь, ни в какой мере не принадлежит! Да и адресовано сие пособие, судя по тем «ценным сведениям» и «дельным советам», которые в нем содержатся, отнюдь не туристам, а скорее — начинающим агентам западных спецслужб.

Вот лишь некоторые из этих «советов». «Как встречаться в Советском Союзе для откровенных разговоров?» — вопрошают авторы. И отвечают: «Уклоняйтесь от славно устроенных уголков со скамейками в городских парках. И кладбище, и этнографический музей — не слишком надежные места. Одно из лучших мест для встреч — морские песчаные дюны».

А как, скажем, попасть незаметно на квартиру «друга»? Прежде всего, поучают авторы, надо избавиться от наблюдения, или, выражаясь на жаргоне новоявленных любителей туризма, «стряхнуть хвост». Сделать это, утверждают они, не так-то просто, но можно: следует лишь умело воспользоваться проходными дворами.

Известно, что непременными атрибутами большинства туристов являются фотоаппараты, кинокамеры — кому не хочется запечатлеть на память увиденное в дальних краях! Авторы брошюры не преминули и на сей счет дать читателям «дельные советы». Какие же? «Находясь в СССР, — поучают они, — обратите особое внимание на фотографирование разного рода документов, прежде всего удостоверений личности. Используйте для этой цели зернистую черно-белую фотопленку. При этом расстояние не должно превышать 60 сантиметров. Пользуйтесь фотокамерой-зеркалкой».

Знакомый почерк, не правда ли?

Выше уже говорилось, что есть некая закономерность, свидетельствующая, что завзятые антисоветчики, профессиональные клеветники чаще всего являются одновременно и крайне нечистоплотными, морально ущербными людьми; не случайно именно среди этой публики то и дело встречаются лица с уголовным прошлым. Эта закономерность отчетливо просматривается и тогда, когда задаешься вопросом — а по какому, собственно, принципу рекрутируют западные спецслужбы псевдотуристов, на которых возлага-

ются функции идеологических диверсантов? Просматривая материалы, скапливающиеся в советских таможенных органах, нельзя не обратить внимание на тот факт, что забрасываемые в нашу страну с Запада разносчики идеологической отравы часто уличаются одновременно и в других видах контрабанды, что именно эти господа особенно часто оказываются на поверку еще и предприимчивыми дельцами, спекулянтами-махинаторами, стремящимися использовать «туристский вояж» в целях наживы. Можно было бы привести немало фактов, показывающих, как закордонные экспортеры антисоветчины уличаются и в разного рода махинациях с валютой, в преступных спекулятивных сделках. Ограничимся лишь одним примером, почерпнутым, кстати, не в архивах советской таможенной службы, а из самой же буржуазной, в данном случае — голландской прессы.

Это произошло в Москве. В нашу столицу прибыла группа туристов из Нидерландов. Зарубежные гости с интересом знакомились с разнообразной, кипучей жизнью города. И только для одного из членов группы туристская программа оказалась помехой. Ему театры, выставки, экскурсии были ни к чему: он разыскивал так называемых диссидентов. А заодно охотился и за предметами русской старины. Одевшись попроще, завязывал провокационные беседы в пивных, заглядывал в церкви, шептался с кем-то в подворотнях. После долгих поисков обнаружил некоего дельца, который привел его к себе домой и извлек из-под кровати старинные иконы. Вояжер из Голландии немедленно предложил стоящую, с его точки зрения, цену: за икону с изображением Николая-угодника, например, — поношенный, но зато «фирменный» свитер, дамскую шаль и две сорочки в придачу...

Сделка состоялась — но ведь нужно еще вывезти приобретенные ценности из страны! «Конечно, если иконы обнаружат, то в Сибирь меня сразу не сошлют, но оштрафовать за

нарушение таможенных правил могут и непременно оштрафуют», — вспоминает «турист» свои московские переживания. Наконец, выход найден: спрятать иконы на манер бутерброда между книгами о русском искусстве, специально приобретенными вместе с фирменной сумкой с надписью «сувенир» в магазине «Березка». Замирая от страха, проходит он со своим «сувениром» мимо таможенного контроля в аэропорту. «Таможенник молчит!» — ликует «турист».

Вот, собственно, и все «впечатления об СССР», о которых голландский вояжер сам (разумеется, не назвав своего имени) поведал на страницах нидерландской буржуазной прессы. А редакция предварила откровения комбинатора собственной редакционной статьей, в которой упражнялась на тему об «ущемлении в СССР прав и свобод человека» и разглагольствовала о том, что, дескать, по вине Советского Союза «тормозится развитие культурных контактов, сдерживается обмен туристами, идеями и информацией между Востоком и Западом...».

Читаешь оба эти произведения, и невольно напрашивается вопрос: а что же, собственно, подразумевают иные круги на Западе под «контактами в области культуры»? Действительный обмен культурными ценностями или же «свободу» для всякого рода «идеологических инфильтраций», а в дополнение — и «свободу обмена» заграничных тряпок на бесценные предметы старины? Свое отношение к тем, с позволения сказать, «идеям», которые кое-кто на Западе столь упорно пытается насадить в СССР, советские люди выражают достаточно четко: нам эти «идеи» не нужны! Что же касается рыскания иных западных «туристов» по подворотням, совершаемых ими всякого рода более чем сомнительных спекулятивных сделок, скупки и незаконного вывоза за границу ценностей, то подобная «деятельность» именуется в СССР не «культурным обменом», а совсем иначе. Соответствующую квалификацию этой деятельности можно най-

ти в Уголовном кодексе РСФСР и кодексах других союзных республик.

Ну, а если говорить о настоящем туризме, о подлинном культурном обмене — милости просим! Приезжайте в СССР. Только без заданий по проведению направленных против советских людей идеологических диверсий. И без намерений поживиться за наш счет, покинуть нашу страну с незаконным «бутербродом» в чемодане...

КОГО ОНИ ЗАЩИЩАЮТ

На скамье подсудимых — тщедушный, небольшого роста человек: серое лицо, бегающий взгляд, большие квадратные очки.

— Лукьянов?

— Он. Мимо пойдешь — не заметишь. А ведь сколько натворил!

Мы — на открытом судебном процессе в Элисте, столице Калмыцкой АССР. Судят изменника Родины, убийцу, чьи руки в буквальном смысле слова по локоть в крови. Судят преступника, вокруг которого поднят шум на Западе, о котором вещают пресловутые закордонные «радиоголоса».

Да, необычен этот судебный процесс — необычна и преступная «карьера» Лукьянова. Мы чуть было не написали: карьера человека, который сидит сегодня на скамье подсудимых. Но нет, не может, не вправе именоваться этот выродок человеком! Еще в годы Великой Отечественной войны, будучи призван в Советскую Армию, предал он Родину, переметнулся на сторону врага — и именно в тот день и час была перечеркнута, кончилась его человеческая биография, и начал он жить страшной жизнью изменника, убийцы, кровавого палача. Сорок пять (сорок пять!) томов уголовного дела потребовалось для того, чтобы документально, опираясь на свидетельства многочисленных участников и очевид-

цев событий военных лет, на архивные материалы, шаг за шагом, звено за звеном исследовать цепь совершенных им преступлений. И сейчас, когда председатель военного трибунала зачитывает приговор, лаконично излагающий главное, что собрано в этих 45 томах,— в зале то и дело слышатся гневные реплики, сдержанные рыдания женщин, чьих мужей и детей пытал, истязал, убивал этот тщедушный изверг с серым невыразительным лицом...

— Судебным следствием установлено: Лукьянов, проходя военную службу в рядах Советской Армии в составе 786-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии, в ноябре 1941 года был пленен немецко-фашистскими войсками и помещен в лагерь для советских военнопленных. Осенью 1942 года Лукьянов изменил Родине, перешел на сторону врага и добровольно поступил в карательное формирование «Туркестанский легион». В начале 1943 года перешел на службу в созданное оккупантами карательное формирование «Калмыцкий кавалерийский корпус» немецко-фашистской армии, который предназначался для ведения вооруженной борьбы против партизанского движения, советских разведчиков, десантных групп и других патриотических сил, действовавших в тылу врага. В этом формировании Лукьянов одновременно занимал ответственные командные должности командира ряда дивизионов, а затем — с августа 1944 года — являлся военным представителем «корпуса» в так называемом «Калмыцком национальном комитете», созданном гитлеровцами из числа калмыков-белоземгрантов, буржуазных националистов, изменников Родины при «Восточном министерстве» фашистской Германии...

Как же реагирует на происходящее он сам — бывший фашистский прихвостень Е. А. Лукьянов? Он явно нервничает: то что-то лихорадочно пишет в блокноте, то вдруг неожиданно бросает карандаш, чтобы протереть запотевшие стекла очков. Но, нервничая, старается не отступать от за-

ранее избранной тактики: отрицать все, что ему инкриминирует суд. Убийства, расправы? Не знаю. Не помню. Выполнял приказы — не более. Слишком много лет прошло...

— Может быть, вы забыли и о том, что служили в карательном фашистском дивизионе?

— Я многое забыл... Если и служил — то по принуждению. Не верите? Вызовите из Бельгии двух моих сыновей — пусть они подтвердят, что я не убийца, я добропорядочный гражданин, хороший семьянин...

Слов-то каких, совершенно ему несвойственных, понабрался за кордоном матерый бандит: «добропорядочность», «гражданин»! Похоже, натаскивали его, тренировали на случай провала...

Далеко, очень далеко от Бельгии калмыцкий город Элиста, но сидящий на скамье подсудимых Лукьянов будто нюхом чует, что там, в Брюсселе, где он нашел прибежище и покровителей после того, как бежал на Запад с отступавшими фашистскими полчищами, у него должны быть адвокаты — и адвокаты настырные, старательные! Так оно и есть: не успели соответствующие советские органы арестовать преступника, прибывшего в СССР «по частным делам», а на Западе словно только того и ждали: сразу же поднялся шум и крик о том, что вот-де Москва допускает «вопиющий произвол», что в СССР «схватили ни в чем не повинного бельгийского гражданина и грозят ему всяческими карами». Иные бельгийские буржуазные газеты, а следуя их примеру — и падкие до антисоветских «сенсаций» «радиоголоса», расписывая «дело Лукьянова», даже договорились до утверждений, что он, мол, чуть ли не «патриот своей страны», который, страдая от ностальгии, прямо-таки рвался на Родину...

8 июля 1983 года настал последний день этого беспрецедентного в своем роде процесса, и председательствующий начал зачитывать приговор, занимающий ни много ни ма-

ло — 48 страниц. От каждой из этих страниц веяло смертью и кровью, и каждой из них было, без сомнения, более чем достаточно, чтобы виновнику преступлений воздать самую суровую меру наказания по законам любой цивилизованной страны! С этим, мы убеждены, согласилось бы и абсолютное большинство читателей бельгийских газет, которым, используя в качестве повода «дело Лукьянова», определенные круги Запада вновь — в который уж раз! — начали вдалбливать в голову провокационный «тезис» о «нарушении прав человека в Советской России». Читатели этих органов «свободной западной прессы» так и не узнали ни об одном из тех десятков и сотен страшных фактов, которые излагал, зачитывая приговор, председатель суда:

— Лукьянов лично руководил карательными операциями подчиненных ему подразделений на временно оккупированной территории Ростовской области, Украины, Польши, где по его приказам производились массовые аресты. Он лично подвергал схваченных допросам и истязаниям, отдавал приказы о расстрелах людей и непосредственно участвовал в этих злодеяниях, всячески демонстрируя ревностное служение врагу, стремясь доказать своим изуверством преданность рейху. За активную карательную деятельность, связанную с уничтожением людей, немецко-фашистское командование присвоило Лукьянову офицерское звание «обер-лейтенант», и он был награжден серебряной и бронзовой медалями...

Сухие, строгие строки приговора. Но сколько за ними слез, отчаяния, мук и крови, которую пролил на нашей земле этот выродок!

— Обер-лейтенант Лукьянов, по свидетельствам подчиненных, был «жестоким и требовательным командиром», добивавшимся беспрекословного выполнения его распоряжений о проведении карательных операций. Он всячески стремился к повышению боеспособности своих подразделе-

ний. Чтобы скрепить их ряды кровью советских граждан, добивался участия каждого из подчиненных в массовых расправах и казнях. По его приказам только в феврале — апреле 1943 года на побережье Азовского моря в районе села Платово и хутора Максимово Ростовской области ликвидированы разведывательно-десантные группы Советской Армии, насчитывавшие в общей сложности пятнадцать человек. Шестеро из них были убиты, а остальные переданы «вышестоящим инстанциям» после избиений и пыток в штабе дивизиона. Судьба их неизвестна...

Стремясь делом доказать свою приверженность Гитлеру и его «новому порядку», оправдать полученные от хозяев погоны офицера фашистской армии, Лукьянов лично участвовал в допросах и истязаниях, добываясь сведений о коммунистах, комсомольцах и даже об активистах времен коллективизации. Особенно интересовался партизанами, не останавливался ни перед чем, чтобы заставить арестованных заговорить. «Подойдя, Лукьянов сильно ударил меня пистолетом в бок и спросил, где партизаны,— рассказывает свидетель В. П. Рыбаков.— Он продолжал наносить удары, а потом вставил мне в рот ствол пистолета и резко повернул его так, что затрещали зубы и от боли я потерял сознание. Придя в себя, увидел, что лежу на земле. Я выплюнул сгустки крови и осколки зубов. Лукьянов, нанося мне удары носком сапога, требовал, чтобы я поднялся, но я не в состоянии был сделать это. Ночь я просидел в подвале, утром меня привели в дом. Лукьянов, который накануне выбил мне зубы, теперь ударил шомполом по руке и рассек ее. Нанося сильные удары по спине, он продолжал спрашивать о партизанах...»

Многими кровавыми следами отмечено пребывание предателя и его дивизиона на Украине. В школе села Казанка, где одно время располагался штаб Лукьянова, на полу были обнаружены лужи крови, на стенах — кровавые брызги.

Выяснилось, что здесь содержались около шестидесяти советских людей, задержанных в ходе облав. Часть из них была передана фашистскому командованию, остальные — уничтожены. Свидетель С. К. Дмитриенко вспоминает, как двое арестованных под руки выводили из штаба третьего. «Он не мог передвигаться, кричал от боли, руки его были вывернуты, свисали, казалось, что кости раздроблены... Мне вспомнилась страшная картина издевательств над односельчанином Караченцевым Петром: меж двух рядовых стоял голый Петр. Лукьянов бил его плетью, а другой офицер длинной заостренной палкой, вроде веретена, прокалывал ему ухо».

В декабре 1943 года там же, в Казанке, мальчишки играли в снежки на улице. Поднятый ими шум мешал Лукьянову: он вышел на крыльцо, подозвал одного из подростков и стал избивать его плетью и ногами. «Я потерял сознание и потом еще долго не вставал с постели», — вспоминает А. Ветров. Среди расстрелянных в этом селе по приказу Лукьянова были ребенок и жена партизана Лыкова.

Надо ли продолжать этот перечень беспримерных злодеяний фашистского наймита? «Сравнить предателя не с кем и не с чем, — говорил о таких, как он, еще Максим Горький. — Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы». Как же — на фоне всех этих фактов — можно объяснить, что этого выроodka столь упорно пытались взять под защиту в Бельгии — стране, народ которой сам пережил тяжкую, страшную пору фашистской оккупации?..

Ответ на этот вопрос содержится не в 45 увесистых томах «дела Лукьянова» — он содержится в тех томах, которые повествуют об истории, целях и методах внешней политики некоторых империалистических держав, прежде всего США, которые входили в годы войны в состав антигитлеровской коалиции, но уже и тогда вели неблагоприятную, что-

бы не сказать — подлую «двойную игру». Еще в 1942 году американский президент Ф. Рузвельт заявил, что наступит день, когда нацистским военным преступникам придется предстать перед судом в каждой из стран, которую они угнетают. А Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, подписанная 30 октября 1943 года руководителями СССР, США и Англии, гласит, что гитлеровские преступники «будут отправлены в места их преступлений и будут судимы народами, над которыми они совершали насилия» и что «союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут в руки обвинителей с тем, чтобы могло совершиться правосудие».

Такую декларацию подписал сорок с лишним лет назад президент США, но иные планы вынашивали уже тогда реакционные империалистические круги этой страны. Еще в разгар борьбы с гитлеровской Германией, 27 июля 1943 года, на совещании, созванном военным министерством США и госдепартаментом, представитель Пентагона полковник Винлокк заявил: «На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки. Национал-социалисты могут быть и будут полезней и удобней разных антифашистов и вообще демократов. Америке нужны многочисленные и близкие нам по духу и убеждению кадры».

Да, в США и в ряде стран НАТО существуют и активно действуют определенные и, прямо скажем, весьма влиятельные империалистические круги, которые считают, что бывшие гитлеровцы могут быть «ценным подспорьем» в их антикоммунистических «крестовых походах». В свою очередь, и военные преступники, нашедшие убежище в Америке и других странах Запада, понимают, что за покровительство надо платить, и платить не чем-нибудь, а антисоветизмом, антикоммунизмом: ведь именно этот товар ныне на Западе в особой цене. И они платят.

Так платил своим укрывателям из ЦРУ нацистский преступник Клаус Барбье, бывший шеф гестапо в Лионе, несущий ответственность за убийство тысяч патриотов Франции. Так платили американской разведке 5000 нацистов и их последышей, лично участвовавших в злодеяниях фашистов и нашедших убежище в США. Так платили спецслужбам Запада и многие тысячи других нацистских убийц, пользующиеся покровительством властей стран НАТО, в том числе Бельгии. Как показал на судебном заседании в Элисте свидетель В. Г. Подобед, Лукьянов, оказавшись после разгрома «третьего рейха» в Бельгии, быстро нашел себе новых хозяев и активно занялся антисоветской деятельностью. Он участвовал в антисоветских организациях, клеветал на политику СССР.

Преступник понес заслуженное наказание.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Дубинин. ПРЕДИСЛОВИЕ	3
«ИХ ЛЮДИ» В МОСКВЕ	9
ГУВЕРНАНТКА ИЗ ЦРУ	27
КОГДА ПРИХОДИТ ПРОЗРЕНИЕ... . .	39
ГОСПОДИН НИКТО	48
ПРОВОКАТОРЫ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ «ОТМЫЧКАМИ»	62
КОГО ОНИ ЗАЩИЩАЮТ	71

Юрий Эммануилович Корнилов
Борис Иванович Чехонин
ГУВЕРНАНТКА ИЗ ЦРУ

Редактор **И. В. Черняева**
Художник **О. С. Теслер**
Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**
Технический редактор **Е. В. Кузьмина**
Корректоры **Н. Д. Бучарова, Л. М. Логунова**

ИБ № 4092
Сдано в набор 08.12.83. Подп. в печать 03.04.84.
А05809. Формат 70×108/32. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 3,50. Усл. кр.-отт. 3,76. Уч.-изд. л. 3,48.
Тираж 30 000 экз. Заказ 491. Цена 10 к. Изд. инд.
ХД-550.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.
Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им.
Тевосяна, 25.

7
23/6-6

Во втором полугодии 1983 года
в библиотеке «Писатель и время»
вышли книги:

- С. Беляев. Этажи.
А. Зябров. Канско-Ачинский.
Г. Кожухова. Требовать с себя много.
В. Марченко. Походной вахте заступить.
Г. Машкин. Стойкий Богучан.
А. Омельчук. Арктическая разведка.
А. Полянский. Армия — любовь моя.
Ю. Стрехнин. Осколок на ладони.
В. Турунтаев. Круглый год.

Над книгами библиотеки «Писатель и время» работают писатели: М. Алексеев, В. Белов, В. Воробьев, В. Выжutowич, Ю. Галкин, В. Гнеушев, Л. Иванов, Ю. Идашкин, Л. Кокоулин, В. Красильщиков, Д. Мамлеев, Н. Орешина, Ю. Помпеев, Л. Почивалов, А. Проханов, В. Распутин, В. Росляков, В. Успенский, Р. Хакимов.

Приобретайте книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации, в киосках «Союзпечати».